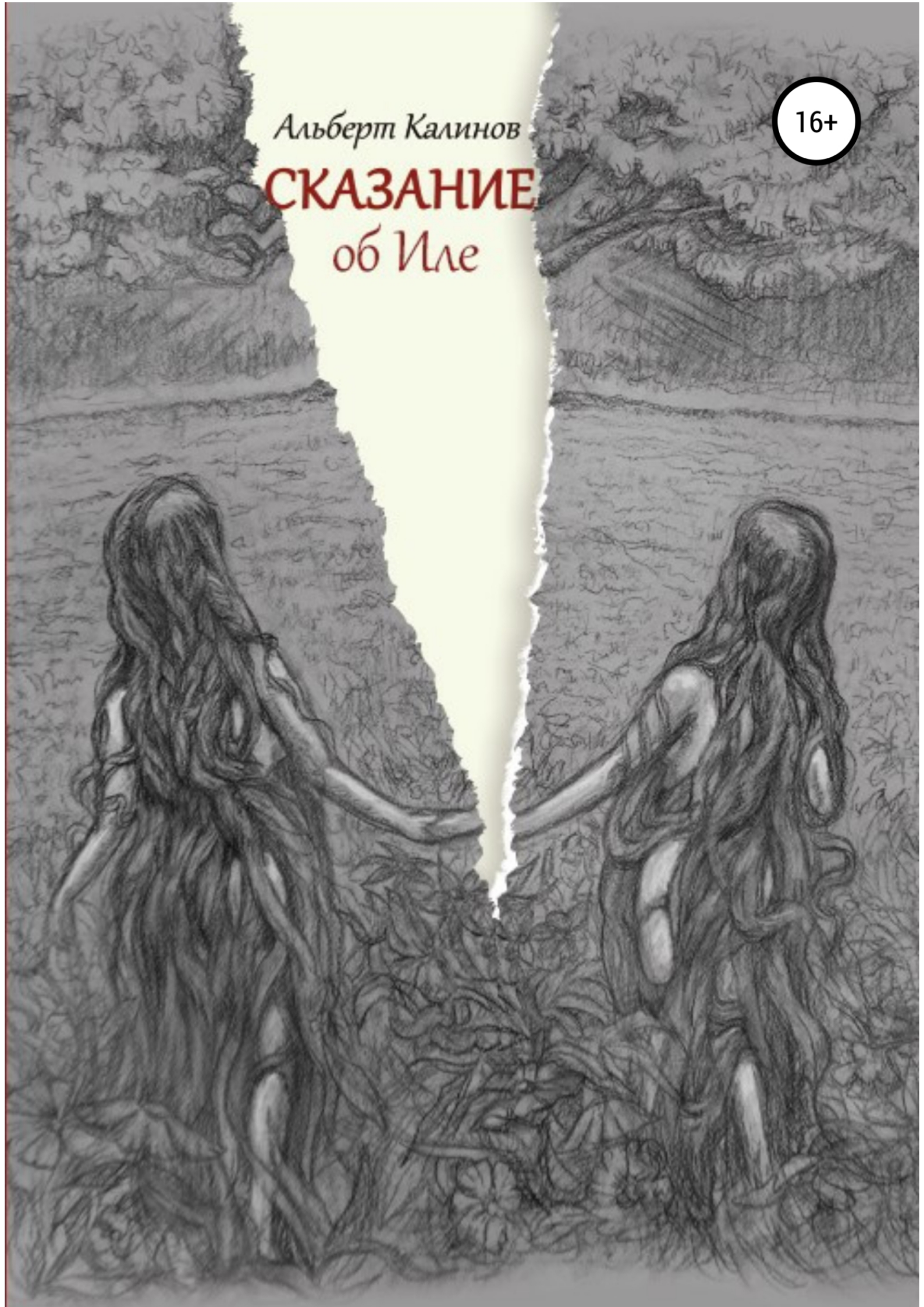

Альберт Калинов

СКАЗАНИЕ
об Иле

16+

Альберт Калинов
Сказание об Иле

«Автор»

2019

Калинов А. И.

Сказание об Иле / А. И. Калинов — «Автор», 2019

Мое сказание оказалось почти пророческим. В "Сказание об Иле" зло ищет таинственного младенца, спящего в "звездной" колыбели. Ищет, чтобы вырастить младенца и воспитать его по своему подобию. Добро же противостоит этому, так как завещано было предками, что тревожить таинственного младенца нельзя, ибо его пробуждение от сна приведет к катастрофе вселенского масштаба. Почти все народы, живущие в те годы на Земле, очарованы злом и забыли предостережение древних провидцев. И лишь народ под названием Иль остается верен добру. Так случается и, однажды, семья из народа Иль находит таинственного младенца. Как не потревожить сон этого дитя, сохранить его покой, найти и вернуть его истинным родителям - такую не легкую задачу предстоит решать главным героям из народа Иля. Для этого наши герои вступают в опасную игру, в противостояние со злом.

© Калинов А. И., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Сказание об Иле	5
Благодар	9
Мастеровой	11
Илея	16
Роха	18
Обида	31
Гнездо, Закрай	41
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Альберт Калинов

Сказание об Иле

Сказание об Иле

(часть 1-я) Посланники

«Не потревожь младенца! И скатится слеза из глаз его невинных и рухнет в пропасть мир».

(Иль – равновесие, благодать, сравнимая с бескрайним синим небом. А также это участок земли у северных склонов Хаагумского хребта, на котором издавна жил народ иль.)

(часть 1-я) Посланники

«Не потревожь младенца! И скатится слеза из глаз его невинных и рухнет в пропасть мир».

(Иль – равновесие, благодать, сравнимая с бескрайним синим небом. А также это участок земли у северных склонов Хаагумского хребта, на котором издавна жил народ иль.)

Все проносилось мимо. От пристального взглядывания в эту бесконечную круговерть его тело пошатнулось и едва не рухнуло в поток. Глаза безумца уставились на воду. Течение нещадно давило и гнало его прочь. Он был надоедливой соринкой в огромном оке.

Еще момент – и ледяной холод, словно удар молнии, пронзил его. Через плотно стиснутые зубы на белый свет вырвался рык:

– Ур-р-р!

Его трясло.

Будто собрав себя по частям, он наконец сделал первый шаг. За ним последовал другой и третий, и так он побрел назад, к тому берегу, что был для него ближе.

Достигнув суши, он уселся на теплые камни.

Пусто. Какие-то проблески как мотыльки трепыхались и маячили в его голове, но он не успевал их ухватить. Не до того...

Внутри все выло.

Стянуть с ноги единственную и разбухшую от воды чуню оказалось делом непростым.

«Верно, другую унесло течением?» – подумал он, не найдя ей пару, и тут же немало удивился. Способность мыслить вернулась к нему вместе со слетевшей с ноги раскисшей «колодкой».

Пронизанное солнечными лучами, теплое и чистое небо простиралось над его головой, он задрал голову и прищурился. Тело его окончательно согрелось. Теперь настало время осмотреться.

И прежде, он рассмотрел гору, что стояла отвесной стеной перед ним. Он прошелся взглядом по ее контурам. Было впечатление, что деревья на ее почти отвесных склонах не росли, а карабкались, хватаясь ветками за мох и камни. Ее разделенная надвое вершина упиралась в небо.

Вдруг совсем рядом, там, где, изъеденный водой, ствол некогда могучего дерева выползал из воды, его глаза уловили движение. Это была птица.

Она замерла в полете, но вот сверкнула бронзовым отливом своего оперения и подобно стреле вонзилась в водную гладь. Вырвав оттуда жирную рыбку с серебристой чешуей, она сделала еще мах крылом и в один миг оказалась над его головой. Там птица распילה когти и бросила свою добычу. Рыба упала на теплые камни всего в паре шагов от него. Потрепыхавшись на них, как на печных углях, рыба замерла. Птица вернулась вновь к полусгнившему бревну и снова стрелой вонзилась в поток. Как и в предыдущий раз, в ее когтях оказалась рыба. На этот раз она перелетела на другой берег, села на поросший лишайником валун и принялась цепким и острым клювом выдирать серебристую чешую, добираясь до свежей и сочной плоти.

вая рыба так и лежала недалеко от него на горячих камнях. Неожиданно в нем проснулось чувство голода. Перевалив тело на бок, он неуклюже добрался до оставленной для него добычи. Разрывая красную плоть, он уже жадно запихивал ее в рот. Заново открывая для себя вкус еды, в конце концов он насытился. А потом опустил на колени и припал к воде. И так, подобно животному, он с жадностью втягивал холодную влагу, пока не утолил жажду. Его глаза застыли на месте, когда вдруг увидели под собой того, кто следил за ним прямо из воды и повторял каждое его движение. На лице в отражении дернулся мускул.

– Человек... я – человек...

В этот момент над головой раздался крик. Такой пронзительный, что казалось, сейчас мог бы вывернуть его наизнанку. Человек закрыл уши ладонями и до боли сжал голову, так, если бы ее поместил в тиски. Пытаясь разглядеть виновника столь невыносимого крика, он поднял глаза, и тут же по ним полоснула ослепительная вспышка. Его веки быстро сомкнулись, но он не отступился и, немного выждав, опять взглянул на небо. Там в бесконечной синеве парила та же птица. От ярких вспышек, пульсирующих на ее крыльях, померкло в глазах. В безумной голове неумолимо, все сильнее и сильнее проникая до самых потаенных глубин сознания, нарастал крик таинственной птицы. Стараясь избавиться себя от её голоса, он со всего маху рухнул в воду. Лицо уткнулось в колючий ил.

Человек вспомнил все. Все, что только может вместить человеческая память. А главным из всего этого было его имя.

Снова оглядев отвесную стену, поросшую лесом, и оценив ее размеры, он понял, что перед ним та самая гора Лондок, а там, за ней, начинается чужбина – Каргун, рыжая земля. Узнал также и реку Снирь, что набирала здесь свою силу, а дальше бежала вдоль всего хребта Малого Хаагума через земли Ниирейские и впадала в Большое озеро. Иль простирался за его спиной. Всё это было знакомо ему с детства..

Ту птицу, с бронзовым отливом на перьях, он никогда не видел прежде.

Ее уже не было, а глаза его все смотрели и смотрели в синее небо.

Наконец он вымолвил:

– Роха.

Так звали его.

Он жил здесь прежде, и было это так.

Благодар

Иль праздновал. Подходил к концу второй день светлого праздника Благодар. Его отмечали в середине осени, когда природа открывала свой богатый ларь и щедро одаривала человека.

Вдоль дорог стояли длинные столы, украшенные лесной ягодой, осенней листвой и лепестками послецвета, растущего на южных склонах Малого Хаагума. Эти благородные цветы набирали свою силу как раз к середине осени.

В небе, напитанным солнцем, щебетали многоголосые птицы. Оно было чистым и ясным и словно бы искрилось, впрочем, как и всегда в это время года.

На больших деревянных подносах горки лесных орехов. Совсем мелкие, с ячменное зернышко, и крупные, величиной с детский кулак, колючие, как ежи, и гладкие, вроде бы их скорлупа отшлифована кем-то, – все они здесь. Был на этом столе и орех седого дерева. Такой редкий орех – настоящее лакомство.

Здесь же, на столах, стояли глиняные кувшины. Разные по форме, они искусно расписаны тонким орнаментом: то в виде сказочных цветов, то в виде фантастических животных и пестрокрылых птиц. Около кувшинов, наполненных до краев, сидели торговцы с Большого озера. Они гости Иля, их щедро угощали, предлагая самое вкусное. На ароматные запахи со всех сторон слетались жуки и пчелы, им тоже перепало с праздничного стола.

Были здесь и дичь, и рыба. В центре на огромных серебряных блюдах разлеглась, раскинув на всю ширину свои плавники, как крылья, царская рыба куранга. Вот запахло сладковатым дымком – это вяленая туша дикого козла. Из деревянных резных ковшей струился душистый мед. Очумевшие от несмолкаемой праздничной карусели музыканты сменяли друг друга, не давая остыть стареньким инструментам. Дудочки, трещотки бубны и барабаны – сегодня все они в ходу. То тут, то там веселыми стайками носилась нарядная детвора. Ряженые в лесных чудищ парни смешно пугали девушек, сбившихся в стайки, а одиноких прохожих неумоимо завлекали в незатейливые игры.

Старики при этом внимательно наблюдали, чтобы не было нарушений на светлом празднике. А уж тех, кто разгулялся не на шутку, окунали в чан с кислыми огурцами.

Стоял тот чан на самом видном месте. На потеху всем могли бросить туда гордецов, людей богатых и даже знатных, чтобы «отмыть» от гордости и зазнайства.

Правила на празднике были простыми – всем должно быть место за большим столом. Будь ты чужеземный странник или безродный бродяга, будешь одет и накормлен в светлый праздник Благодар.

Везде, где играли дети, был слышен приятный уху перезвон. Источником сей нежной какофонии являлись привязанные к детским ладыжкам колокольчики. Так было заведено от самых истоков и до сей поры: родившемуся в народе Иль крепили к голени маленький колокольчик.

За тонкую связь с незримым миром, дающим жизнь, берегли его как собственную жизнь. Проноса через все свои дни, расставались с ним только в смертный час.

К вечеру по всему Илю слышны песни, особенно красивы они на закате. Посреди домов с высокими крышами, на которых громоздились резные размалеванные птицы, расположился богатый двор. Два могучих столба из дубовых бревен держали массивные двери. На них изображено раскидистое дерево. Его ветви, извиваясь, уходили лучами в разные стороны. В основании этого дерева расположилась птица, держащая в клюве красную рыбу. Так выглядели ворота, ведущие на царский двор. Сейчас они раскрыты и ждут гостей. Поодаль стоял украшенный узорами дом. Вечерние лучи скользили по его стенам и крыше и добавляли теплых оттенков, так что узоры на доме начинали переливаться. Крыша его столь высока, что рядом

не было дерева, готового соперничать с ним. От дома в сторону ворот шли двое: один из них стар, и поэтому его движения неспешные; другой молод, он специально и почтительно замедлил ход, чтобы идти рядом со старцем. Когда остановились, старик поднял голову к небу, прищурился и сказал:

– Эх, хорошо как поют... Я бы тоже спел, да рассмешу всех. Голуби на моем дворе и те смеяться будут. Дворовые скажут: царь из ума выжил! – На лице старика появилась добрая улыбка. Он положил руку на спину собеседнику и добавил: – На тебя надеюсь, на ум твой. Помню, Роха, чей ты сын. Иди!

Мастеровой

Конь под Рохой был справный, хороший, темно-коричневой масти. Он отлично нес седока.

Одним словом, прекрасный конь. Рохе достался он в наследство от Мастерового. В Иле все знали этого умельца и говорили о нем с большим уважением, так как во всяком известном ремесле он преуспел и ко всему подходил основательно и вдумчиво. Ходили к нему за советом и знатный человек и простой, и никому он в помощи не отказывал. Не гордился он, за богатством не гнался, жил просто. Звал его к себе и царь. Посоветоваться, если решение сложное принять надо, а если строить что задумал, без Мастерового не обойтись. В любом деле тот голова.

Немногословный и даже угрюмый, он чувства свои на людях не выказывал, но при этом был человеком не злым.

Опекал он Роху с малых лет. Тот попал к нему в раннем детстве и воспитывался как родной сын. Кроме Рохи, у него никого не было. История же о том, как мальчик попал к нему, со временем превратилась в легенду. А дело было так.

Ходил Мастеровой в чужие края далекие и неизведанные, за Большое озеро. Долго был он в пути, уже почти два года не видел родных мест.

Однажды в дороге, когда усталость сморила его спутников, почудился ему детский плач. Места те были дикие, безлюдные; солнце неумолимо клонилось к закату. Мастеровой остановил коня и спросил, не слышали ли его попутчики рыдания ребенка. Те отвечали, что не слышали, мол, почудилось ему, от усталости и не такое бывает. И вдруг снова донесся плач, да такой надрывный... Мастеровой оглянулся и посмотрел на своих товарищей, но никто не слышал, как заливается дитя. Однако он заметил, что кони под ними вздрагивали, словно откликаясь на далекий детский голос.

Пришпорил он коня и погнал его в надвигающуюся с горизонта темноту. Приятели, не понимая, что происходит, помедлив немного, бросились следом. Чуть не загнав коня, Мастеровой увидел в стороне от дороги одиноко стоявший огромный валун. Вокруг него металась, рыла землю и завывала свора диких собак. Почувяв всадника, псы, оскалившись, повернули к нему мерзкие морды.

Всадник остановил коня, взглядывая в расщелину, делившую камень на две неравные части. Именно из нее время от времени доносился крик ребенка. И туда же были направлены взгляды псов.

Мастеровой снял с плеч войлочную накидку и намотал ее на левую руку, плотно закрыв тем самым кисть и предплечье. Другой рукой он вынул из чехла, крепившегося к седлу, боевой топор. Костяная рукоять удобно легла в ладонь. Сверкнув остро заточной сталью, топор рассек воздух по дуге и принял боевое положение.

Увидев всадника, собаки прижали уши, опустили черные морды к самой земле и двинулись на человека.

Ускоряя шаг и, очевидно, готовясь к прыжку, одна из них вырвалась вперед; остальные, забегаая справа и слева, нацелились обойти Мастерового и напасть сзади. Конь вздрогнул и, испугавшись, попятился назад. Мастеровой, не давая стае приблизиться для решающего прыжка, что было духу свистнул, да так громко, что собаки, оторопев, застыли как вкопанные. Задрав серые головы, псы с напряженным исступлением стали всасывать теплый воздух сумрака. Учюяв призрак смерти, некоторые из них, завыли.

С криком, переходящим в рев, всадник ударил коня и помчался на ошарашенных зверюг. Собаки расступились, как будто давая ему дорогу, но стоило поравняться с ними,

как со всех сторон заклапали их челюсти. Подобная тактика была Мастеровому хорошо известна, такую же применяли волки в охоте на крупную добычу. Вначале они изматывали жертву, нападая по очереди, а затем, когда та окончательно обессиливала, набрасывались скопом и рвали на части. Поэтому главное правило в такой ситуации – не оказаться в центре стаи, не загнать коня и, не дай бог, выпасть из седла. Мастеровой наклонился и стал прищипывать рыжего пса, тот явно пытался первым вцепиться в человеческую плоть. Он опустил обмотанную войлоком руку и стал дразнить собаку. Инстинкт хищника сработал мгновенно. Пес тут же вцепился в предложенную ему прищипанную манку. Еще немного – и его челюсти, как стальные тиски, раздавили бы руку, а удар сильной, мускулистой туши вырвал бы человека из седла. Без промедления Мастеровой нанес удар топором; псина, взвизгнув, мгновенно оставила погоню. Скорчившись в агонии, еще некоторое время она упрямо ползла куда-то в сумрак, волоча свой перебитый хребет. Подобравшись к камню вплотную, всадник несколько раз попытался заглянуть внутрь расщелины, и каждый раз собаки

с еще большим остервенением набрасывались на него.

Ребенок больше не кричал, это обстоятельство беспокоило Мастерового. Он мог попросту опоздать. Выжидая удобного момента, Мастеровой стал объезжать камень по кругу. Он продолжал дразнить псов, размахивая топором и царапая его острием поверхность скалы и высекая из нее яркие искры. Звери держались на некотором расстоянии; озлобившись, они то собирались в кучу, то, разделившись, начинали носиться по кругу вслед за своей добычей.

Стараясь еще раз заглянуть в расщелину, Мастеровой, забыв об опасности, самонадеянно повернулся спиной к собакам, и в тот же момент псы, будто сговорившись, кинулись рвать и коня, и всадника. Один из них, очутившись между камнем и конскими ногами, как между молотом и наковальней, получил несколько мощных ударов копытами и был нещадно затоптан. Другой, уличив момент, запрыгнул на коня верхом. Оказавшись за спиной у человека, пес вцепился ему клыками в плечо. Мастеровой, задохнувшись от боли, рванул узду на себя; конь захрипел, встал на дыбы и под весом наездника и пса повалился назад, налетев могучей спиной на каменную глыбу.

Затем, как в горячке, вскочил и несколько раз взбрыкнул, порываясь скинуть лохматое чудовище с дрожащей спины. От сильного удара всадник какое-то время находился в беспамятстве, но, уцепившись мертвой хваткой за конскую гриву, все же смог удержаться в седле. Зверю, только что победно восседавшему на спине у коня, повезло меньше: раздавленный лежал он на измятой траве. Из надвигавшейся темноты донеслись свист и крики людей. Это была долгожданная помощь.

Злобные твари, все это время неотступно преследовавшие человека и терзавшие уставшего коня, в мгновение ока исчезли, не оставив никаких следов своего существования. Куда-то подевались и тела поверженных псов. Все те, что лежали, скорчившись, около одинокого камня, словно растаяли в надвигающейся ночи.

Товарищи не сразу признали Мастерового. Вид у него был как у того, кто только что разминул с собственной смертью. Левая рука, обмотанная до окровавленного плеча изорванным в лохмотья войлоком, висела плетью вдоль туловища. Другая рука, с широко расставленными пальцами, запуталась в смоляной гриве коня. Ноги и спина были покрыты ссадинами. Голова склонилась, а помутневший взгляд направлен в сторону одиноко стоящего камня. Конь под седоком, выпучив глаза, тяжело хрипел, втягивая горячие струи воздуха. Нервно переступая то вперед, то назад, он время от времени вздрагивал и тряс косматой головой.

Мужчины попрыгали с коней и поспешили к своему раненому товарищу, чтобы помочь, но всадник выпрямился и сделал знак рукой, запретив им приближаться к себе. Погладив коня, он слез с седла и, сорвав с руки остатки войлока, подошел к расщелине.

Щель в камнях была очень узкой, такой, что взрослый человек мог просунуть в нее руку, а уж протиснуться целиком не представлялось возможным. Мастеровой понял, что внутри имеется полость, достаточная для того, чтобы в ней мог укрыться маленький ребенок, но все попытки дотянуться до дитя были безуспешны. Расщелина оказалась не только узкой, но и достаточно глубокой. И все уловки выманить ребенка наружу также не возымели действия.

Внутри стояла абсолютная тишина, казалось, что там и нет никого. Мастеровой время от времени подходил к камню и прислушивался, но из расщелины по-прежнему не доносилось ни звука. Оставалось одно – ждать.

Так прошла ночь. Друзья рассказали Мастеровому, как помчались за ним следом, но заплутали. Ведомые темными силами, они, как слепые, разбрелись по разным сторонам, а затем с большим трудом нашли дорогу к заветному камню. Все это время Мастеровой не сомкнул глаз, а к утру задремал. Его товарищи расположились поудобнее возле своих коней и скоро уже спали сладким сном.

Открыв глаза, Мастеровой увидел рядом с собой маленького мальчика, примерно года от роду, кудрявого и светловолосого. Солнце ласково пригревало, в чистом небе щебетали птицы. Ребенок сидел в траве и беззаботно играл, перебирая руками разноцветные камешки. Иногда

он вытягивал губы трубочкой и начинал лепетать что-то непонятное, но очень забавное. Один за другим проснулись спутники Мастерского. В изумлении от происходящего и не произнеся ни слова, чтобы не напугать дитя, они потихоньку стали усаживаться поближе.

Мастеровой подошел к ребенку и, наклонившись, бережно взял мальчика на руки. Малыш как ни в чем не бывало продолжал играть. Затем внимательно посмотрел круглыми глазенками на своего спасителя, заулыбался и вложил камешки в его большую, грубую ладонь. Мужчина убрал подаренные игрушки себе в пояс, а затем бережно усадил дитя на мягкий кусок овчины, служивший походным лежаком. Кто-то из товарищей Мастерского нашел среди припасов хлебную лепешку, и малыш с большим удовольствием занялся новым делом – едой.

Плечо сильно болело от собачьих укусов, но Мастерской не подавал виду. Он подошел к валуну. Оставалось непонятным, как маленький ребенок мог оказаться здесь совсем один. Куда подевались его родители?

Вдруг Мастерского окликнул один из друзей. Мужчина стоял, склонив голову, шагах в пятидесяти. Подойдя ближе, Мастерской увидел странную картину: на небольшом пятнышке трава по краям была примята, ближе к середине вырвана наполовину, а в центре и вовсе перемешана с землей. Здесь нашел он обрывки ткани. Похоже, то были остатки одежды. А еще собравшиеся заметили пучок светлых волос и поясной ремешок. Стало очевидно, что это место недавней трагедии. Вероятно, именно здесь смерть настигла одного из родителей ребенка или того, кто был с ним.

Мастеровой вспомнил про камешки, которыми играл мальчик. Он вынул содержимое из поясного мешочка и наконец рассмотрел детский подарок.

Холодная дрожь пробежала по телу, нахлынула горечь, и внутри словно вымерло все. Дело в том, что эти яркие овалы из окаменевшей смолы когда-то были ожерельем. Мастерской сделал его собственными руками для своей невесты по имени Илея, и было это три зимы назад.

Вот и все... То, для чего ходил он в дальние края, та, которую любил и так долго искал, надежда, что жила в его душе, – все умерло около проклятого камня.

Илея

Илея была из знатной семьи. Единственная и всеми любимая дочь у своих родителей, она не знала забот. Ее отец, богатый торговец по имени Каула, вел дела далеко от родных земель. Мастерового он знал, было такое, что обращался к нему как к известному умельцу, но отдавать дочь замуж за ремесленника в планы Каулы не входило. У купцов считалось правильным заключать браки в своей среде. В торговле главное, чтобы дела процветали, а капитал приумножался. Поэтому по любви семьи складывались очень редко. Исключением были родители Илеи, они любили друг друга с юности и до зрелых лет сохранили тепло в своих сердцах. Может быть, поэтому отец не стал противиться выбору дочери, а может, потому, что души в ней не чаял и старался во всем угодить. Так все и шло своим чередом к богатой свадьбе.

Но не случилось. Незадолго до этого купил Каула кораблик. Поставил его на Большом озере для торговли. Взял он жену и дочь – показать тот парусник, покатать их при хорошем ветре да по большой воде. В Иле так было заведено, перед свадьбой молодых разлучали. Чтобы проверить их чувства, шесть полных лун не давали видеться влюбленным. Это было серьезным испытанием, но разлука шла на пользу любящим сердцам, так считали в Иле.

Надо заметить, что человек здесь за период своего земного существования должен был пройти три рождения. Первое – когда появлялся на белый свет и обретал жизнь земную. Второе – когда повязывали ему колокольчик и получал он тонкую связь с землей Иля. И, наконец, третье – когда находил свою половину и скреплял себя с ней навек.

Прошли шесть лун, потом еще шесть, но ни Илея, ни ее родители не возвратились в Иль. Не вернулись назад и те из помощников Каулы, что отправились с ними в дальнюю дорогу. Не было никаких вестей, одни лишь слухи. Некоторые утверждали, что потонул тот кораблик вместе с хозяевами и их людьми. Другие поговаривали, что где-то у большой воды есть бездна, вот в нее-то и провалились путешественники. Кое-кто судачил, что старый отец изменил своему слову, нарушив тем самым закон, и выдал дочь за богатого чужеземца. И наконец, были и такие, которые уверяли, что напали на знатного купца и его семью лихие люди и погубили всех.

Прошло еще время, прежде чем Мастеровой отправился вслед за возлюбленной своей – на ее поиски.

И вот он оказался здесь. И долго стоял в печали и раздумьях...

Мастеровой взглянул на ребенка. И тут ему открылось то, чего он раньше не замечал, теперь же это стало для него очевидным. Этот малыш удивительно похож на Илею.

Мастеровой перевел дух. Безмятежно хлопая глазенками, перед ним сидел ребенок Илеи.

Мужчина присел на колени. Этот мальчик мог быть его сыном... Судьба же злодейка распорядилась по-своему.

Вероятно, отца у мальчонки тоже не было, иначе бы Илея не оказалась здесь одна, наедине с опасностью.

Подожли остальные. Делиться страшной догадкой с товарищами Мастеровой не стал. Вырыв в тени у камня ямку, они аккуратно сложили в нее то, что осталось от Илеи. Так этот огромный камень стал ее надгробием.

Умелец подошел к ребенку, взял его на руки и поднял его над собой, лицом к своим спутникам.

– Отныне его имя – Роха! (Что означало на языке Иля «спасенный»). Он поедет с нами.

Всю дорогу до дома Мастеровой размышлял о случившемся. Кудрявый Роха сидел смиренно, не плакал и, казалось, по-взрослому переносил все тяготы долгой дороги. Для удобства малышу сладили просторный короб, который заменил ему колыбель. Так и прибыл спасенный малыш с новым именем Роха в Иль – в плетеном коробе и крепко спящим.

По многим причинам умелец утаил от людей все то, о чем догадывался. Вернувшись в родные земли, поведал лишь о том, как нашел Роху и спас его от собак. Судьба найденыша обсуждалась теперь на совете Иля. Без споров и раздумий на нем решили так: пусть мальчик живет и воспитывается в Иле, в доме у нашедшего его, но так как ребенок чужеземец, то колокольчик носить не должен. Таков был закон.

Роха

В седле Роха сидел прямо, как и научил его наставник. Он уже взрослый и находился на царевой службе. От роду ему девятнадцать зим. Впервые его ждало по настоящему большое дело, ведь он посланник Иля.

Обоз огибал реку и поэтому сильно растянулся. По уложенной ковром осенней листве скрипели колеса. Оставив позади родные деревеньки, обозчики держали направление на северо-восток к землям Закрая. На девяти повозках – по случаю праздника Благодаря – везли царевы подарки для правителя Закрая Ямыха. Ко всему прочему вели и породистую лошадь, из царских конюшен как главный подарок.

Довольный Роха раз за разом гордо выделявал круг за кругом на своем красавце жеребце по кличке Гор. Обгоняя обоз с конной охраной и седых конюхов, деловито восседавших на двух меринах, он по-мальчишески радовался. И правда, его Гор в табуне был лучшим.

Прекрасный конь!

На шестой день пути показали болота Закрая. Огромными плешами покрыли они все окрестные земли. Промеж мари извилистой змейкой уползала за горизонт одинокая дорога. Она была такая узкая, что повозки то и дело задевали кочки. Торчащие по обеим сторонам, они набивались в колеса и цеплялись за ноги лошадей своими длинными высохшими стеблями.

Время от времени из глубины болот доносились странные звуки. Как будто кто-то тяжело вздыхал от непосильной ноши. Все это вместе с унылой местностью, расстилавшейся вокруг, нагнало дремоту, и люди смолкли.

Но вот где-то совсем рядом раздались хлопки. Обозчики встрепенулись и закурили головами. Над марью появились большие черные птицы. Задрав белые клювы, они поднимались все выше, пока не сбились в одну черную тучу. Снизу этот хаос напоминал разоренный муравейник, птицы явно затеяли какой-то спор. Все закончилось так же внезапно, как и началось. Очевидно, договорившись меж собой, птицы разлетелись в разные стороны и лениво поодиночке опустили на болото. Наступила тишина.

Еще через какое-то время на горизонте показался всадник. Заметив обоз, он остановился, немного выждал, а затем стегнул веткой своего лохматого коника и направился навстречу обозу.

Роха выехал вперед.

Надо сказать, что закрайники были потомками тех, кто вынужден был поселиться когда-то в этих местах. Только на гиблых болотах и нашлось им место. В основном это были изгнанники из тех племен, что населяли берега Большого озера, Каргуна и Нииреи. А также люди, некогда жившие в Иле, те, кто переступил закон или утерял заветный колокольчик и изгнан был за это на вечные времена. Среди закрайников находились и те, чьи племена вымерли под корень. Так и жили эти разноликие, но в чем-то очень похожие друг на друга люди на самом краю земли, в Закрае.

У всадника был весьма странный вид. Прежде всего, он восседал на неказистой лошадке, тело которой было густо покрыто шерстью. Её маленькие глазки-бусины, были полностью скрыты под смоляной гривой. Короткие ножки до земли были покрыты шерстью. На хозяине лошадки были овечья шкура и шитые-перешитые штаны. На ногах нелепая обувь, она совершенно не парная: на одной ноге – из рыбьей кожи, на другой – плетенная из коры какого-то дерева.

И наконец, лицо всадника скрывала половинка позолоченного диска. Два отверстия в форме глаз косились пустыми глазницами на чужаков. И хотя это была всего лишь половинка,

а не круг, как должно, посланники Иля поняли, что перед ними человек, наделенный в этих болотах немалой властью. Всадник в маске снял с ноги плетеный башмак, приложил обе руки к своему животу и наклонил голову, поприветствовав гостей так, как это было принято у закрайников. В ответ Роха положил правую руку на грудь – такое приветствие было принято в Иле. Формальности завершены, и теперь можно показать лицо. Под маской оказался юнец. Золоченая половинка маски повисла у него на груди.

– Я Ив, – сообщил юный всадник, – послан правителем Закрая Ямыхом, чтобы сопроводить вас до Гнезда.

«Откуда ему знать о нашем прибытии?» – подумал Роха, но вслух произнес:

– Я Роха, сын Мастерового, послан царем Иля Миролеем к правителю Закрая Ямыху. Мы везем подарки.

Посланец правителя Закрая формально объехал обоз, лишь вскользь бросив взгляд на охрану. Затем вернулся к Рохе и сказал:

– Надо поторопиться!

– Откуда вам стало известно о нашем прибытии в земли Закрая? – спросил Роха. – На этой дороге мы не встретили ни одной живой души.

Ив улыбнулся детской улыбкой и громко заявил:

– Здесь у всего есть глаза, чтобы видеть, и голос, чтобы, когда надо, говорить. – И, выдержав паузу, добавил: – Все очень просто, у вас праздник... этот... как его? – Юноша на мгновение задумался. – Благодар, – наконец вспомнил он. – Вы везете дары через каждые четыре зимы... – Ив загнул пальцы – Ну вот... С прошлого раза прошли четыре.

Болота как будто отступили, впереди показались лысые вершины холмов. Ив стегнул веткой своего коника и очень шустро рванул вперед, туда, где дорога взбиралась на пригорок.

Закрайник буквально влетел на холм и, постояв немного на его вершине, снова вернулся к обозу.

– Сколько же ехать-то до Гнезда? – обратился к нему Роха.

(Дело все в том, что главным местом Закрая считалось Гнездо. Где оно находилось и что из себя представляло, для посланника Иля оставалось загадкой. Ибо никто прежде из его соплеменников не был там. Все предыдущие разы обозы доезжали до разных предместий Гнезда и останавливались там в гостевых домах, а потом возвращались назад в Иль. В этот же раз все должно быть по-другому. Впервые посланники Иля должны были прибыть именно в Гнездо. Об этом был его разговор с царем, перед тем как Роха отправился в дорогу.)

– Две ночи – и будем на месте, – сообщил Ив. – А сегодня заночуем в гостевом доме.

– И где же он?

– За холмом!

И сразу же Ив легонько стегнул своего коника, и совсем скоро он уже был на указанной возвышенности. Роха последовал за ними. Когда же посланник Иля оказался на лысой вершине, то застыл на месте.

– Это и есть дом? – спросил он с нескрываемой иронией.

– Да, – с гордостью ответил Ив. – Он самый.

То, что выдавалось юношей за гостевой дом, с высоты холма выглядело как шалаш.

Составленный из стволов черного дерева, он был самой нелепой формы. При всем, даже очень большом желании это нагромождение бревен вряд ли могло бы укрыть кого бы то ни было от дождя, не говоря уже о том, чтобы быть гостевым домом.

Так и стояли эти двое, молча дожидаясь, пока обоз взберется на пригорок.

– Не стоит доверять глазам, – прервал молчание Ив и кивнул, как бы приглашая Роху убедиться в обратном.

Тот принял вызов и рванул вперед, закрайник теперь последовал за ним.

Вблизи выяснилось, что строение не имеет дверей, окон, да и вообще каких-либо отверстий, подходящих для того, чтобы в него проникнуть. Снизу, местами на высоту человеческого роста, оно было тщательно заложено дерном, а дальше вверх уходили кривые бревна. Они стояли неровной стеной и под небольшим углом были сведены к центру.

Ив спрыгнул со своей лошадки и, подняв с земли палку, стукнул ею по одному из бревен. Раздался оглушающий, словно ударили в большой медный колокол, протяжный гул:

– Бу-у-у-ум!

Не выпуская палку из рук, он прошел немного вдоль стены и вдруг исчез в ней. Отсутствие его было недолгим, скоро Ив объявился вновь:

– Ступай за мной, я распорядился!

– Надо подождать обоз, – возразил Роха.

– Его встретят. И коня оставь. О нем позаботятся.

Когда Роха подошел к гостевому дому, его одолели противоречивые чувства. С одной стороны, им овладело предчувствие опасности, с кото-

рой он готов был встретиться лицом к лицу, с другой же – изумление.

Сразу вспомнились слова Ива о том, что не следует очень уж доверять глазам. И правда, вблизи казавшаяся цельной стена преломлялась так, что образовывался незаметный проем, достаточный для того, чтобы в него войти.

«Хитро устроено», – подумал Роха и на всякий случай крепко сжал рукоять меча.

Как только посланник Иля переступил черту, отделяющую дневной свет от полумрака, царившего под странными сводами, то сразу понял, что попал в лабиринт.

– Как же такое возможно? – недоумевал Роха, блуждая в полной темноте.

Узкий ход вел его то в одну, то в другую сторону, и казалось, что всему этому нет конца.

Не мог понять Роха, каким образом в этом «шалаше» столько всего вмещалось. Все эти углы, стены, повороты, опять углы и снова повороты, которым не было числа. Но вот все кончилось, показался слабый свет, и Роха вышел в центр какого-то зала.

Пол был обтянут кусками чешуйчатой кожи. Желто-серые стены образовывали сферу, так что было полное ощущение простора. Где-то довольно высоко над ним ровным кругом зияло белое небо. В помещении было довольно тепло.

«Может быть, лабиринт увел меня вниз, под землю?» – подумал Роха.

Его кисть все это время так крепко сжимала меч, что пальцы занемели. И теперь Рохе пришлось другой рукой разжимать их. Привыкшие к полумраку глаза постепенно выхватывали все новые и новые детали, складывалась общая картина. Прищурившись, Роха увидел своего проводника, тот сидел на широкой скамье прямо напротив него.

– Присядь, – обратился Ив к гостю и указал рукой на еще одну скамью, что оказалась за спиной у посланника Иля.

– Не скрою, ты меня немало удивил, – признался Роха.

– Это не я – это все дом... – улыбнулся Ив. – Расслабься, здесь мы проведем одну ночь, а завтра отправимся дальше. Тебя ждут в Гнезде.

В руках у юноши оказалась знакомая палка, и он снова ударил ею, но уже по скамье, раздался все тот же металлический гул, правда, не такой сильный, как в первый раз. Две женские фигуры появились тут же. Одна из женщин несла на голове глиняный кувшин, с ее плеча аккуратными складками свисала белоснежная ткань. В руках другой была громоздкая деревянная кадушка, но, несмотря на это, женщина бесшумно скользила по чешуйчатому полу. Так они оказались рядом с посланником. Теперь он смог их немного рассмотреть.

У той, что несла кувшин, оказалось молодое и приветливое лицо. Ее возраст был под стать весеннему цветку, а стройную фигуру не прятала даже длинная, до пят, рубаха из болотных трав. Другая же была постарше и, напротив, скрывала свое лицо под грубой тканью. Та плотно облегла ее голову и спадала складками на плечи.

Ив указал рукой в сторону Спасенного. Женщина, сделав еще несколько плавных движений, наконец поставила свою ношу у ног посланника. Затем приняла кувшин из рук молодой и что-то налила из него в кадушку, потом нежно взяла Роху за ту ладонь, которая только что сжимала меч. На мужские руки теплой струйкой полилась вода. Даже теперь, вблизи, Спасенный никак не мог разглядеть лица женщины.

Когда Роха умылся, то к нему приблизилась молодая женщина и, сняв с плеча белую ткань, вытерла остатки влаги.

Потом церемония повторилась, теперь уже умылся Ив. Затем женщины удалились, но уже скоро показались вновь. Та, что помоложе, принесла изумительную по красоте серебряную чашу. Ну, а та, что постарше, явилась с большим деревянным подносом и разными яствами на нем. Среди них были куски отварного белого мяса, отдающие мягким, едва ощутимым ароматом каких-то приностей, а также лепешки, только что вынутые из печи.

Молодая женщина, отставив серебряную чашу, постелила прямо на пол, в форме неровного круга, кусок травяной ткани. Следом на пол легли две небольшие шкуры, и женщина

старательно расправила их. Так получился стол. Затем она отошла, уступив место старшей. Последним на травяной скатерти появился глиняный сосуд с каким-то мутноватым напитком.

Роха не был голоден, но призывно влекущие, душистые запахи пищи разбудили в нем... нет, не аппетит, а больше – интерес. Ему очень хотелось отведать те яства, что подают в этом странном доме.

Под конец трапезы раскрылось назначение серебряной чаши – той, что была отставлена в сторону. Ив, не целясь, но при этом очень метко, стал бросать в нее остатки пищи. Все, что осталось недоеденным на столе, отправилось руками служанок туда же. Эта искусно выполненная вещь оказалась всего лишь емкостью для объедков.

Ив взял в руки сосуд с густым, вязким напитком и, отпив из него немного, предложил посланнику:

– Выпей, это взбодрит.

Роха отпил немного. Легонько пощипав кончик языка, горьковато-сладкая жидкость приятным теплом растеклась внутри него. Роха ощутил слабую жажду, глотнул еще, затем еще и еще...

Роха открыл глаза. Там, где он сейчас находился, было очень тихо. Где-то догорала свеча. Приглушенный свет всполохами пробирался по бревенчатому потолку.

Вероятно, после того как он выпил предложенный закрайником напиток, его свалил крепкий сон.

«Вот и взбодрился...» – подумал Роха.

Он лежал на довольно-таки мягкой и просторной постели из душистых трав. Его тело укрывала волосатая шкура. В маленькой комнатке было прохладно. Взгляд Рохи опустился с играющего огоньками потолка на сидящую у изголовья женщину. Нежные пальцы коснулись его лица. Тут Роха вспомнил про обоз и своих товарищей, что пришли с ним в Закрай.

Посланник попробовал встать, но тело предательски не слушалось, какая-то могучая сила тянула и тянула его назад в травяную постель. И как только Роха оказывался в ней, им овладевали приятная легкость и покой. Так повторялось из раза в раз, стоило лишь оторвать кудрявую голову от дурманящего ложа.

– Помогите мне, – обратился он к женщине, сидевшей рядом.

Но та же лишь продолжала нежно поглаживать Роху, едва касаясь мягкими пальцами его напряженного лица. Роха снова хотел было что-то сказать, но из этого ничего не вышло. Женщина поднесла к его губам чашу и ловким движением влила ему в рот, разжав крепко стиснутые зубы, содержимое. То, что в этом странном месте вызвало у Рохи недоверие даже большее, чем вчерашнее зелье, оказалось обыкновенной водой. Приподняв его голову, незнакомка зачерпнула ладонью жидкость из той же чаши и плеснула Рохе на лицо. Могучая сила, неумолимо тянувшая его вниз, отступила перед пригоршней чистой воды. Роха поднялся.

Он накинул на себя одежды и проверил, в ножнах ли меч. Все, за исключением сапог, оказалось на месте. Спасенный взглянул на незнакомку, стараясь рассмотреть ее, но в этот момент свеча, видимо окончательно догорев, потухла, стало темно. Женщина была рядом, Роха слышал ее дыхание.

– Где мои товарищи? – спросил он темноту.

– А где ты? – ответила ему темнота.

Еще через мгновение Роха почувствовал, как незнакомка взяла его за руку и потянула за собой. Как слепой брел он, аккуратно переставляя босые ноги. Боясь потеряться в этой темноте, теперь посланник Иля сжимал не рукоять меча, а теплую женскую ладонь. Так подошли они к окну, от которого веяло ночным холодом. Роха увидел огни костров. Он с удивлением обнаружил, что место, с которого сейчас наблюдал за всем, находилось довольно-таки высоко

над землей. Царский обоз прекрасно виден ему. Повозки поставлены в большой круг, центре которого горели костры.

Там, внизу, около огня, негромко беседуя, расположилась ночная охрана. Вот и «подарочная» лошадь из царских конюшен, рядом с ней на охапке сена похрапывали бывалые конюхи. Они озябли и поэтому с головами зарылись в старые овчины. Его красавец жеребец Гор стоял отдельно от других лошадей, он был привязан к одной из повозок, рядом с ним – душистое сено и корыто с водой.

– Позаботились... – с облегчением выдохнул Роха.

Гор, как будто услышав хозяина, повернул умную морду в сторону распахнутого окна, зафыркал и затряс гривой.

Роха собирался было кого-то кликнуть, но женская рука, вновь мягко приблизившись к мужским устам, опередила его, оставив ненарушенной тишину ночи. А потом та же рука, легонько потянув за рукав, поманила его назад. Роха подчинился.

Так он вновь оказался в той же комнатке, холодной и маленькой, где даже самый темный и потаенный уголок был пропитан запахом душистых трав. Тусклым светом дрожала свеча.

«Как странно, – подумал Роха, – в наше недолгое отсутствие кто-то позаботился о новой свече». Еще мгновение назад он был уверен, что, кроме него и этой женщины, в лабиринтах странного дома нет ни одной живой души. В какой-то момент Роха ощутил, что находится в комнате совершенно один. Обернувшись, посланник убедился, что спутницы рядом нет. Еще немного постояв, он рухнул на травяную постель...

– Пора подниматься, нас ждет дорога! – раздалось в ушах.

Роха открыл глаза. Приподняв голову, он увидел перед собой Ива, который показался ему каким-то возмужавшим. В комнате теперь было достаточно света. Сапоги Рохи вернулись к своему хозяину и теперь лежали рядом с постелью.

Роха встал, он чувствовал себя бодрым и хорошо выспавшимся.

– Как спалось тебе, посланник Иля? – улыбался Ив.

– Мертвецки, – с иронией заметил Роха.

– Ты выглядишь бодро для мертвеца!

– Бодро... – пробормотал Роха и вспомнил вчерашнюю фразу Ива: «Взбодрит!» – Чем ты меня опоил?

– Это был настой из сока седого дерева, – ответил крайник. – Никто тебя не опаивал, мы лишь дали тебе хорошо отдохнуть, чтобы ты мог продолжить путь с новыми силами. Извини, посланник, что не предупредил тебя о том, что напиток следовало пить с осторожностью. Не больше двух маленьких глотков.

В этот раз обратный путь до выхода из странного дома оказался коротким. У входа стоял обоз. Спутники Рохи находились здесь же, рядом, каждый из них был чем-то занят. Так что на посланника никто не обращал внимания. Казалось, что Роха все время находился рядом с ними. И только его конь, учуяв хозяина, стал приветливо фыркать. Он переминался с ноги на ногу, пытаясь всячески обратить на себя внимание, и даже будто бы желал заговорить с Рохой: «Я все знаю! Я не забыл о тебе, не забыл!» Спасенный приложил ладонь к теплой лошадиной морде. Погладив ее, он достал из-за пазухи оставшуюся от вчерашнего пиршества лепешку и разломил на равные части. Затем одну из них поднес к мягким конским губам, другую убрал назад себе за пазуху. Гор с удовольствием съел предложенный кусок, а затем несколько раз боднул хозяина в плечо, таким способом он выключивал оставшуюся часть. Роха угостил его и другим кусочком лепешки.

Все это время Ив стоял чуть в стороне, скрестив на груди руки, – происходящее его как будто не интересовало. Взор молодого крайника был устремлен за горизонт, туда, где исчезала узкая дорога.

Оставив коня, Роха подошел к одному из своих спутников. Стоявший у повозки рыжебородый мужик по имени Туро как раз проверял на исправность колесную ось.

– А... это ты, Роха, – обернулся к нему Туро. – Ты видел такое?– продолжил бородач.

Роха присел на корточки рядом с ним и, деловито заглянув под повозку, переспросил:

– Какое?

– Я не об этом, – кивнул тот на колесо. – Гляди. – И, выставив искалеченный палец, указал на то странное сооружение, в котором посланник провел эту ночь.

Роха смотрел на крепкий, хорошо осевший в землю дом сорока локтей в высоту, с ровными серыми стенами, с окнами, похожими на бойницы, и тесным входом без дверей. Он долго молчал, будто бы не понимая, чем именно так удивлен этот бородач.

Туро посмотрел на Роху, надеясь прочитать на его лице потрясение. В ответ Спасенный лишь уставился на него взглядом, полным спокойствия и даже равнодушия.

– Ну ладно, – пробормотал бородач и, поднявшись с земли, направился в ту сторону, где солнце, описав небесный круг, поднималось из-за края. – Пойдем, царев посланник, я кое-что покажу!

Роха последовал за ним. Сделав около ста шагов, они остановились.

– А теперь смотри! – выдохнул Туро, вновь выставив искалеченный палец в сторону странного дома.

Роха застыл, пораженный: дом, тот, что сорока локтей в высоту, с этого места представлялся иначе, а именно тем, чем показался вчера. Одним словом, их взору предстал большой, несуразной формы, обставленный ровным строем черных стволов шалаш.

– Ты видишь то же, что и я?– спросил Роха бородача.

– Я, посланник, здесь вообще ни в чем не уверен, – вполголоса ответил Туро.

– И давно ты все это приметил?– продолжил Роха, не отрывая взгляда от «гостевого дома».

– Да еще с вечера, и не я один, некоторые из наших тоже заметили, только молчат. Мы вот с конюхами тебя ночью увидели, окликнули, подошли ближе, а это тетка какая-то, из этих... – и Туро снова указал пальцем на дом, – улыбается и не смотрит в глаза, все куда-то в сторону норовит, взгляд прячет. С чего решили, что это ты? Не знаю, почудилось, и все тут... Да и одета она не по-нашему, только вот сапоги на ней, точно как твои. Мы хотели с ней заговорить, спросить, что она ходит здесь и что ей надо. Да не смогли и рта раскрыть, все слова забыли. А она словно растворилась в ночи, и все. Нас сон обуял, я еле дошел до своих костров и свалился, не помню как.

– Пойдем к обозу, – не поворачиваясь к бородачу, предложил Роха.

Там все было готово, и можно было двигаться дальше. Спасенный сел на коня и привычно объехал по кругу. Затем, как бы напоследок, окинул взором гостевой дом.

– Вижу, наконец все готово. Теперь в путь! – послышался за спиной знакомый голос Ива.

– Да, мы готовы.

И почти сразу, пришпорив коня, Роха рванул с места. За одну ночь и одно утро в его голове накопилось столько вопросов, а единственный ответ, приходящий ему на ум, был таким: «Ни о мире, окружающем его, ни о жизни в целом он, Роха, ничего не знал». У посланника появилось гнетущее чувство, как будто он что-то оставил, забыл в этом доме. Не давая себе отчета, он вдруг развернул Гора и помчался назад. Еще через мгновение Спасенный увидел женщину, которая направилась ему наперерез. Да так быстро, что чуть не угодила под копыта коня. Роха успел остановить Гора буквально в шаге от хрупкой женской фигурки. Конь, разгорячившись, все мотал и мотал головой, он то как будто пританцовывал, то бил копытом землю. Рассерженный такой беспечностью, Роха хотел прикрикнуть на женщину, но, приглядевшись к ней повнимательнее, узнал свою спасительницу от чар мутного зелья минувшей ночью. Это

была та женщина, что нежно гладила его по волосам, а потом, взяв его за руку, как дитя водила по лабиринтам странного дома.

Сзади послышался частый стук копыт. Это был Ив на своем шустром недоростке.

– Не стоит этого делать, посланник Иля! – возбужденным голосом предупредил он Роху.

– Чего не стоит делать?! – переспросил Роха.

– Не стоит возвращаться, – раздался тихий женский голос.

И сразу после этого таинственная женщина удалилась к дому и словно растворилась в нем. Роха не стал испытывать судьбу.

– Кто она? – спросил он Ива позже, как только оба вернулись к обозу.

– Афирь, – ответил ему закрайник.

Роха сделал знак рукой, и обоз тронулся вперед по дороге.

– Только она не женщина, и сомневаюсь, человек ли она – Афирь, – добавил к сказанному Ив, но, заметив вопрос на лице посланника Иля, решил продолжить: – Хотя Афирь и смертна и выступает в человеческом обличье, но с людьми общего ничего не имеет, ей ближе камни, болота, а мы для нее, конечно, дети матери-природы, но дети коварные, ненасытные. Эти вот среди людей жить не могут, быстро сгорают, вот и появляются где-нибудь в удаленных уголках вроде этого.

– А как же тебя терпят? – усмехнулся Роха.

– А ко мне они привыкли, – улыбнулся Ив. – Они приходят откуда-то и уходят, а почему приходят и куда уходят, никто не знает. Были такие, кто за ними наблюдал, так сгинули без следа.

– Ты сказал: «Эти вот...» А есть и другие?

– Есть еще... Ага. Другие... – потупившись, пробормотал Ив. – Бррр... – Он вздрогнул, словно вспомнив, что-то очень неприятное. А затем встрепенулся: – Афирь всегда появляется в облике молодых женщин. Да, и вот еще, у нас в Закрае о подобных ей говорить ни с кем не стоит. – И, заметив снова вопрос на лице Рохи, вздохнул, но добавил: – Видят все насквозь.

– А их много? – Роха огляделся.

– Кто теперь знает? Дыры здесь... – Ив покрутил пальцем, показывая на землю. – Вот они и появляются.

Какое-то время молодые люди ехали рядом молча, и каждый думал о своем. Но в голове у Рохи накопилось столько вопросов к юному закрайнику, что он снова не удержался:

– А те женщины, что были в доме, те, что приносили еду и принимали нас, они настоящие или привиделись мне?

– Все настоящее, но те две – это служанки, женщины.

Ив изменился в лице, и стало понятно, что ответов посланнику Иля от него больше ждать не стоило.

Выпрямившись в седле, закрайник вытянул шею так, как это делают обычно, когда пытаются заглянуть за высокое препятствие. Взгляд юноши был устремлен вперед, куда-то за те далекие холмы, что формировали неровный горизонт.

– Я поеду вперед, надо посмотреть, как там! – на ходу выкрикнул закрайник.

И шустрый коник понес его навстречу неизвестности, а еще через короткое время он и вовсе пропал из виду.

Все вокруг стало серым, веяло холодом. Окружавшие со всех сторон болота снова отступили, и взорам Рохи и его спутников предстала новая картина: на горизонте появились каменные истуканы. Громадные, изъеденные ветрами, они были самых причудливых форм. Некоторые напоминали гигантские грибы и стояли ровно, словно их вбили в почву; другие же походили на загулявших бродяг. Потрепанные временем, они, как бывалые пьяницы, не то от усталости, не то от воздействия внешних сил, клонились в разные стороны, вот-вот готовые

упасть и развалиться. По всему видно, так случалось здесь не раз: все вокруг было усыпано здоровенными осколками от этих упавших исполинов. Каждый из этих камней мог бы похоронить под собой целую повозку со всем ее добром. Эти громадины заставили путников держаться от них подальше.

Вдруг послышался протяжный гул. Похожий на горловое мычание, он вызывал вибрацию во всем, до чего только мог добраться. Виновником сего был ветер – не замечая каменных преград, в беспечности своей, он разгонялся, сталкивался с ними и вихрем закручивался вверх. И хотя каждому было ясно, что это проделки воздушных потоков, но все равно людям становилось жутковато, и они озирались по сторонам.

Некоторым из шедших даже показалось, что в этом гуле скрывается потаенный смысл. Будто камни торопились им поведать что-то, открыть какую-то тайну, но, не имея языков, только громко мычали, как глухонемые.

Не стовариваясь, люди ускорили шаг. Так продолжалось еще какое-то время, пока великаны не остались позади. Ветер успокоился, сменила вид и местность.

Слева от дороги показалось озерцо. Его ровная водная гладь казалась удивительной, ведь местность в Закрае постоянно менялась. Невысокий покатый берег, покрытый густым рыжим мхом и мелкими, величиной с бусину, голубыми цветочками, плавной линией окружал темную воду. На берегу стояло одинокое старое дерево. Его корявые ветки раскачивались и скрипели. И причиной тому были не дуновения ветра, ветки качались как будто сами по себе. Они тянулись к воде, а когда достигали ее поверхности, то окунались в нее, бесцеремонно нарушая покой озерца, а потом снова поднимались вверх.

Обоз проехал еще немного.

– Человек, – донесся неуверенный голос одного из царских слуг, что ехал впереди. – Человек! – уже более твердо повторил он.

Роха, до этого будто дремавший, выпрямился в седле и посмотрел вперед.

Он увидел на дороге сторбившийся силуэт.

Человек сидел вытянув вперед ноги.

Преградившим обозу путь оказался старик, с изнуренным страданиями лицом.

Сквозь редкие грязные волосы, проглядывала немытая плешь.

На испещренном глубокими морщинами лбу заметно выделялась черная, вероятно выжженная, отметина, под ней нависали домиком седые, густые, как у филина, брови. Взгляд был уставлен в землю. Да и еще одно – одежда... Можно сказать, что на нем ее не было вовсе. Одна рука старика висела вдоль тела, другой он прикрывал булыжник.

– Старик! Эй, старик! – громко обратился к сидевшему на дороге один из воинов. – Ты живой?

Плешивый старик продолжал сидеть на земле, в полном безмолвии и не обращая внимание на окруживших его людей. Один из обозчиков хотел уже спрыгнуть с коня, чтобы растолкать старика, но Роха остановил его.

– Уйди с дороги, старик, или наши кони раздавят тебя! – обратился Роха к безмолвному человеку и почти сразу взмахом руки указал путь вперед.

Возничий, молодой парень, управлявший первой повозкой, замешкался. Он нервно поглядывал на Роху, на плешивого, опять на посланника и снова на старика. Вероятно, парню не хватало опытности, чтобы правильно понять, что от него требуется, но так или иначе обоз не двигался с места. Все остальные сопровождавшие обоз также находились в смятении – решимость посланника раздавить беднягу возмутила их, и они роптали, переглядываясь меж собой.

Роха гневно посмотрел на возничего.

– Вперед! – прикрикнул он на паренька.

– Ну-у-у!

– Что с тобой? – с непониманием обратился к посланнику подъехавший ближе Туро.

– Не знаю... – словно очнувшись, ответил Роха под укоризненными взглядами своих товарищей. Он и вправду не понимал, откуда в нем взялась безжалостность по отношению к этому старику, да и с чего вдруг.

И в этот момент все тот же паренек-возничий скорее неосознанно, нежели подчинившись, стегнул лошадей, и те, дернув косматыми гривами, двинулись вперед. Тяжелые конские копыта, выбивая пыль на дороге, быстро приближались к сидящему на земле бедняге. Тот зажмурился и отвернулся. А затем, вероятно подчиняясь инстинкту, выставил иссохший локоть и поджал больные ноги. По всему было видно, что так он собирался встретить смерть.

– Стой! – крикнул Роха и выехал наперерез повозке.

Возничий со всего маху рванул на себя поводья:

– Пр-р-р!

Парня немного трясло.

– Крутилка (так звали возничего), давай за мной! – предельно спокойно обратился к нему Роха, показал направление для движения обоза и сам поехал первым.

Там, где сидел старик, с одной стороны край дороги порос мелким кустарником. Огибая бедолагу и нещадно, с треском давя сухие колючие ветки, повозки одна за другой стали удаляться все дальше и дальше, оставляя позади одинокую фигуру старика.

– Это Закрай выделяет с нами всякие вот такие штуки. Надо быть повнимательнее здесь, – намекая на необъяснимый поступок посланника, сказал бывалый Туро, как только снова поравнялся с Рохой.

Тот согласился.

Когда же последние повозки уже были готовы скрыться за поворотом, старик поднялся на ноги и, собрав, казалось, последние силы, крикнул вслед уходившим:

– Подождите! – И снова, но уже тише: – Подождите меня!

Плешивый уселся на край последней, девятой повозки. С блаженным исступлением в глазах и готовый вот-вот заплакать, он уставился в уходящую даль. В руках его был все тот же пыльный булыжник. Он бережно прижимал его к своему животу.

Никто не спрашивал, куда старик держит путь, его просто взяли с

Вот и еще один день странствий по Закраю подходил к концу. Обоз остановился на пустыре. Редкие камни, торчащие из земли и напоминающие спинные шипы гигантского ящера, теперь служили путникам неплохим укрытием от усилившегося к ночи ветра. Немного в стороне, в низине, бежал ручей. И все пришедшие из Иля принялись наполнять бурдюки свежей водой. Люди разожгли костры. Повозки же, как и положено, поставили по кругу, и конюхи принялись кормить и поить лошадей.

Под одной из повозок лежал старик. Он свернулся клубком вокруг камня и теперь напоминал старого пса, доживавшего свой век. Время от времени до слуха доходил его жалобный бубнеж.

Разыгравшийся ветер гнал рваные серые тучи в сторону заката. Смеркалось. Было видно, как одинокий всадник на маленькой лошаденке, появившийся с той стороны, очень торопился к разгоравшимся кострам. Это был Ив. Роха появлению молодого закрайника не удивился, но был очень рад. Сейчас Ив напоминал ему потерявшегося щенка, что наконец нашелся, учуяв ароматный запах хозяйской стряпни. Тот и впрямь выглядел немного растерянным. Увидев Роху, юноша по-детски заулыбался.

– Ну вот, поспел, – выдохнул он, затем спрыгнул с коника и присоединился к остальным.

Обида

Вот и пришел новый день. Холодными мелкими каплями накрапывал дождик, и дорога, изгибаясь, словно болотный змей, уползала дальше и дальше. Воздух постепенно становился густым и тяжелым, и унылая серость снова опустилась на землю. Капли дождя по некоей договоренности с тишиной растворялись где-то у самой земли, превращаясь в желеобразную дымку. И даже оббитые железом большие колеса, эти вечные труженики, теперь убаюкивали своим монотонным скрипом. Казалось, что все здесь вот-вот уснет глубоким сном.

Из тумана вдруг выглянуло высокое дерево. Его ствол казался свинцовым и не излучал жизни. Белое облако, поглотившее его у верхушки, лениво оседало вниз.

Оно скользило по холодному и гладкому панцирю, заменившему кору дерева. Из сгустившейся пелены показалось еще одно, точно такое же, а за ним еще. Деревья окружили всадников, и теперь словно их равнодушные лики взирали на людей с высоты. В конце концов «свинцовые тела» деревьев заполнили собой все видимое и невидимое пространство по обе стороны дороги. Им не было числа.

Тем немногим, кто пока не поддался сну, оставалось одно – гнать от себя уныние и надеяться, что когда-нибудь да выглянет солнце.

Роха был в числе этих немногих.

– Что это за место? – как можно громче спросил он Ива.

Тот как раз клевал носом и, казалось, готов был вот-вот свалиться со спины своего коника прямо в поросший колючками куст.

Голос посланника нарушил тишину, и в обозе все сразу зашевелились. Люди встрепенулись и закутили головами.

– Замерший лес, – ответил пробудившийся закрайник.

– Да... лучшего названия и не придумаешь, – оглядываясь кругом, пробубнил ехавший чуть в стороне Туро.

– И давно он замер? – снова спросил Роха.

– Давно... очень и очень давно. Когда он был живым, никто уже не помнит. Хотя и говорят, что все еще есть один свидетель жизни этого леса. Но и в этом тоже люди сомневаются. Вообще, место это вещее... Говорят, с этого леса все началось.

– Это как?

– Здесь было начало. История потекла отсюда во все стороны. – И Ив, помолчав немного, вероятно что-то вспоминая, начал свой долгий рассказ.

В те времена здесь жили люди в мире с природой. Все были послушными и добрыми детьми своей матери и не выказывали своего превосходства над другими созданиями. И все для человека было равным, а поэтому и понятным.

Питались же люди всем тем, что росло в изобилии в этом лесу.

Всего и всем хватало. Как любящая мать для своего дитя, давала природа людям все, в чем была нужда. Так продолжалось веками. Но человек захотел большего и стал брать без меры и про запас, начал бить птицу и зверя, чтобы те не ели плодов, которыми он питался. И вот однажды, вкусив их мясо, человек стал хищником (охотником по нашему). А со временем пропал в нем чудный дар: забыл он язык зверей и птиц. Перестали люди слышать глас леса, язык всего живого умер для них.

Некоторые из них говорили: «Зачем нам это? Под этим небом мы самые сильные и самые умные, мы выше всех тварей, и все нам служит пищей».

И так ушли люди из леса дальше в поисках еще лучшего для себя.

Никто уже не помнил, как, откуда и почему оказались в лесу две сестры. Родителей своих они не знали, с раннего детства оставшись сиротами. И эти девушки были единственными из людей, кто остался верен лесу, и был он им родным и любимым домом.

Вековые дубы укрывали сестер от ненастья, и теплый мох служил им ложем во время сна. Покрывалом для них были собственные волосы: они стекали шелковистыми волнами по девичьим спинам до самой земли. Небесные птицы пели им колыбельную на ночь, а утром будили, едва проглядывали первые ласковые лучи. Умывались сестры чистой росой, и звери лесные не ходили по их следу тропой охоты. И не знали девушки никакой нужды. И все для них было понятным и

ясным.

Пока однажды не оказались они на поляне, в центре которой рос одинокий клен. Девушки прежде никогда не видели такого дерева. Красивого, но какого-то несчастного. В отличие от

других дерево совсем не шумело и на спутанных корнях приподнималось над травой. А вокруг него все заповил пустецвет. Эта блеклая трава взбиралась все выше и опутывала своими усиками его корни. Казалось, клен нарочно вырывал себя из земли, чтобы освободиться от нее и, подобно беглецу, бежать неведомо куда.

Девушки не знали этого места, хотя и жили в этой чаще, сколько себя помнили. И вот, взявшись за руки, пошли сестры по полянке к одинокому дереву. С девичьим любопытством рассматривали они новое место, гладили руками высокую траву, нежно прикасаясь, сбивали пальчиками еще не осевшую росу с ее стебельков. Пока наконец их ладони не легли на кору таинственного дерева.

Одна из сестер, по имени Латель – «Веточка», прислонила свою маленькую головку к стволу и прислушалась к потаенной жизни внутри могучего растения. Имя другой было Аллая и означало «Ручеек». Подняв голову, девушка прикрыла глаза и стала вдыхать воздух, словно выживая из него запахи листвы. Где-то вверху подул ветерок, дерево качнулось и натужно закрипело. Сестры переглянулись, им стало совершенно ясно, что клен был болен. Страшный недуг, злой враг, глубоко засевавший в дереве, мучил его.

Отпрянув от клена, девушки приподнялись на цыпочках и вытянули тонкие шеи, как будто собираясь взлететь. Затем, раскинув руки, стали взывать куда-то, издавая звуки, похожие на свист. По верхушкам деревьев прокатился ветерок. Латель подняла вверх руку. Наступила тишина. Так сестры стояли, всматриваясь в небо. Снова подул ветерок, и вдруг на запястье одной из сестер уселась птичка. Длинный крепкий клюв, яркое оперение и вдобавок вздернутый на голове хохолок выдавали в птахе настоящего бойца. В следующий момент птица юркнула к дереву и исчезла в нем. Лишь где-то меж переплетенных корней послышался настойчивый стук ее клюва.

И вот прямо из-под корней показался черный ус. Длинный, загнутый книзу и острый, как шип, он стал ощупывать пространство вокруг себя, да так, что чуть-чуть не задел Латель. Остановившись около ее ноги, ус на мгновение затаился, а затем так же шустро скрылся в своей норе. Через короткое время ус объявился вновь, но уже не один, а в паре с точно таким же черным, острым и длинным, как и он сам. Следом выглянула крепкая мохнатая голова с мощными, похожими на рога челюстями, а за ней показалось и все тело на десяти густо покрытых хитиновыми крючочками лапах. То, что вылезло из под клена, можно было отдаленно назвать жуком. К тому же очень огромным и мерзким. Его зеленая рогатая спина имела несколько глубоких дыр, вероятно только что оставленных ему хохлатым бойцом. Как только «жук» выполз на открытое пространство, из того же укрытия следом за ним метнулась и птичка и стремительно нанесла еще один удар по его хитиновой броне. Только сейчас стала заметна разница в размерах между сражающимися. «Жук» был величиной с хорошую кабанью голову, его соперник же легко умещался в девичьей ладошке. Насекомое, все это время не выдававшее себя, вдруг ловко поднялось на четыре задние лапы и задрало вверх оставшиеся шесть, густо покрытых кривыми шипами. К этому добавились еще и страшные челюсти, работающие как две клешни. Все было готово для решающего броска. Птичка, прошмыгнув в дюйме над выставленными вперед тискаами страшного насекомого, скрылась в траве с другой стороны. Жук развернулся. Теперь уже наверняка он не упустит свой шанс. И, снова поднявшись на задних лапах и выставив в стороны шесть других как можно шире, рогач затаился. И вот...

Несколько травинок, сорванных стремительным вихрем, плавно, почти невесомо опустились на землю. Никто и не заметил, как это случилось. Получив удар клювом, как конечником стрелы, в набитое брюхо, жук уже лежал в прежней позе ловца, в его спине, зияла сквозная дыра. С ним все было кончено.

Клен постепенно выздоравливал. Жадный пустецвет оставил его корни в покое и убрался вон с поляны. Сестры же приходили теперь к спасенному дереву каждый день. Они присаживались у его корней и, подражая птицам, запевали для него свои странные песенки. Дерево, вроде

как подпевая им, раскачивалось и шумело листвою. И следом оно игриво пропускало сквозь пышную крону солнечные блики прямо на лица девушек. Это очень веселило сестер, они жмурились и перебегали на новое место, скрываясь в тени, но световые проказники находили их снова, и тогда все повторялось. Иногда клен опускал свои большие ветки низко к земле, чтобы девушки могли легко взобраться на них. Он же раскачивал сестричек на своих могучих качелях. Так проходили дни за днями, и каждый новый день начинался с уже привычного: сестры отправлялись на цветущую поляну в гости к клену. Они знали, что это дерево было особенным. И дело не в том, что оно было единственным из своего рода-племени, и не в том, что стояло обособленно и одиноко, а в том, что с ним была связана тайна. Прислушиваясь к клену, сестры узнали и его историю. Нам она непременно показалась бы странной, невозможной, но для лесных дев в ней все было так, как и должно.

Как после долгой темной ночи ярко-желтое светило по утрам пронизывает все вокруг, вдыхая жизнь, так и клен был преисполнен надежды.

Однажды дерево отделилось от своих собратьев, потому что в нем зародилось желание двинуться с места. Да, да подобно тем, кто пробегал и проползал там, у земли, и прятался в траве, тем, кто укрывался среди листвы и взбирался по его стволу на крохотных лапках, клен также готов был сдвинуть с места свои корни.

Невозможно описать, насколько сложно было это. Но так случилось что клен оказался в этом лесу. Но, скрываясь под покровом ночи, передвигался он так медленно, что это было не заметно глазу. Прошли века, и вот он здесь. А потом почувствовало вдруг дерево, что по его жилам текли теперь не соки, а самая настоящая кровь. Так что теперь этот клен был не деревом в нашем привычном понимании, а чем-то иным.

Сестры бежали, взявшись за руки, по солнечной поляне, ступая босыми ногами по теплой, мягкой и влажной траве. Дерево больше не было одиноким.

Шло время. Из двух сестер именно Латель все больше и больше привязывалась к нему. Однажды она пришла к клену одна совсем еще ранним утром, когда Аллая спала, а первые рыжие стрелочки лишь чуть-чуть коснулись неба. Именно она, Латель, незаметно для себя будто бы приросла к клену и теперь готова была дни и ночи проводить рядом с ним. Она приходила даже тогда, когда звезды только рассыпались по небосводу.

Латель глотала вечерний туман через едва приоткрытые губы, как через соломинку. Ей было невысказанно хорошо. То чудесное, что зародилось в ней, не оставляло ее не на миг. Путь лежал в ту часть леса, где они жили с сестрой, и теперь она готова была поделиться с ней своей радостью.

– Как хорошо, что все это есть!– думала «Веточка». – И этот вечер, и этот туман, и запах трав такой ароматный, и родной лес...

Она легко подняла ладошки вверх, вроде бы ей было по силам достать до неба, закрыла глаза и приподнялась на цыпочках. Мысли растянулись, превратились в волну, унося ее к незримым берегам. Было тихо, и Латель казалось, что весь этот мир сейчас в ней, а она растворяется в нем, как этот туман. Девушка вспомнила о клене, он остался где-то там... у нее за спиной. В мыслях Латель стала качаться на его ветвях, как на качелях, окунаясь в нежную листву. Переливаясь и играя радужками, растеклись по животу ласковые волны.

Увидев сестру, Латель радостно обняла ее, в готовности немедленно и не откладывая поведать ей о своем удивительном чувстве. Но прежде она, широко раскрыв глаза, взяла сестренку за руку. И вот, подобно птице, стала ей что-то щебетать про крылья, что выросли за ее спиной. Про то, что, подобно траве, она хотела бы обвить любимые корни, прижаться к ним и так застыть под шум листвы навеки. Говорила также, что бьется в древе том сердце и дыхание его слышит она. И если не быть ей рядом, то непременно погибнет чудесный клен. И к сказанному еще добавила, что ни за что не расстанется со своей милой сестрой вовек.

Аллая, отвергнув объятия, отошла в сторону. Вынув кленовый листочек из волос Латель, кинула его на землю и несколько раз наступила на него своей маленькой ножкой. Затем закрылась руками и убежала.

«Ручеек» сидела в тени вековых деревьев. Абсолютно одна. Не замечая куст пятилистика, ежом раскинувшего свои шипы-иголки в разные стороны. Кроме этой колючки, рядом не было никого. Здесь совсем тихо и поэтому хорошо. Это место с недавних пор полюбили девушке, хотя ядовитый пятилистник не самая хорошая компания человеку. Обхватив ноги руками, Аллая пряталась в своем коконе из густых шелковистых прядей. Она не могла найти ответа на один мучивший ее вопрос. Он появился недавно, а потом выполз из таинственной глубины, как червь, и поселился... нет, не в голове, а именно в ее груди. До этого момента все, что Аллае было нужно, находилось на поверхности, и все, что хотела знать, она знала, лишь стоило ей прислушаться или приложить руку к чему-нибудь. Этот лес всегда нашептывал Аллае ответы. Но на этот раз было совсем по-другому. Аллая вдруг поняла, что все и навсегда изменилось для нее. Вопрос свой не могла она доверить ни кому.

– Почему не меня?– думала «Ручеек».

И вот уже нечто новое пробивалось из тех же глубин, в которых зародился тот неразрешимый вопрос. Это новое противной горечью обожгло ее душу и застыло... Так появилась обида.

Прошло совсем немного времени, и однажды оттуда, где начинался лес, донеслись голоса. Такие гаркающие и громкие, они принадлежали тем, кого сестры боялись больше всего, – людям.

То были охотники, возвращавшиеся с добычей. Они сделали привал после дальней дороги у опушки леса. Теперь охотники отдыхали и рассматривали свои трофеи. Запах дыма проник во все уголки зеленого мира и встревожил его обитателей. Люди громко разговаривали, жгли костры и спорили. Их голоса бесцеремонно нарушали окружающую благодать. Все вокруг пришло в беспокойное движение, зашумели деревья, и тревога вместе с костровой дымкой медленно прокралась в лес.

И лишь в Аллае эти громкие звуки вызвали необъяснимый интерес. Они манили ее. Девушка, не слушаясь разума и вопреки собственному страху, потянулась на зов. Уже скоро Аллая была у той самой лесной опушки. Латель, испугавшись, попыталась удержать сестру, но та как одержимая вырвалась из ее объятий и попятилась назад в полной решимости совершить задуманное. Латель же, видя, что творится что-то неладное, закрыла лицо руками и заплакала, но и эти слезы не остановили сестру. «Ручеек» утек, а «Веточка» осталась одна, и она стояла, беспомощно опустив руки, и непрестанно всхлипывала, зовя сестру назад.

Она была совершенно растерянна и не знала, как ей теперь поступить. Ведь еще никогда прежде вот так сестра не покидала ее. И вот наконец Латель бросилась следом. Аллая же была быстрее, она шла, не оглядываясь, и словно боялась остановиться. «Ручеек» сжала уши ладонями, чтобы не слышать плача сестры. Ветки цеплялись ей за волосы, хлестали по лицу, плечам и бедрам, трава, как путами, окутывала ей ноги, но она вырывалась и упорно шла дальше. Лес закончился, ничто больше не мешало девушке. Она встала на самом краю опушки, прижав руки к груди и чуть отведя в сторону голову.

Люди еще не увидели Аллаю. Она же с замирением сердца ждала. Охотничий пес, мирно лежавший подле своих хозяев, вдруг наострил уши, затем вскочил и выбежал чуть вперед. Вытянув морду в сторону девушки, он глухо, как будто давясь, зарычал.

Один из охотников сделал своим товарищам знак рукой. Поочередно повернув головы, те замолчали, забыв про яростные споры. И теперь, заметив девичий силуэт, застыли в вопрошающем безмолвии. Все тот же охотник предельно спокойно что-то негромко им сказал. Люди,

разделившись на две группы, осторожно пошли в сторону Аллаи. Девушка продолжала стоять на прежнем месте, она и не думала бежать.

Уже скоро охотники окружили девушку со всех сторон. Тяжело дыша, они, не отрывали глаз от представшего перед ними чуда. Густые волосы, переплетенные стебельками лесных трав и озерных цветов, закрывали Аллаю почти до пят, скрывая ее от алчущих глаз. Единственное, что было открыто взорам, – это белое, чистое лицо. И вот прямо перед глазами девушки оказалась обветренная, скривившаяся в улыбке физиономия охотника. Было слышно его тяжелое дыхание. Он внимательно оглядел девушку, а затем, быстро открывая рот и оголив желтые зубы, стал повторять громкие отрывистые звуки. Аллая почувствовала специфический запах огня, пищи и страха, исходящий от человека. Она не понимала произносимых им звуков и лишь, сильнее прижав руки к себе, следила за странными движениями человека. Сзади кто-то взял Аллаю за прядь волос, поднял ее вверх и резко бросил, уколотившись шипом пятилистника, укрывшегося в густых локонах девушки. Аллая вздрогнула, подняла голову и посмотрела на людей, окруживших ее. Прокаленные всеми ветрами, много раз познавшие вкус добычи, сейчас охотники пребывали в полном смятении. Нет, не девушка стояла перед ними, но та, что растворила их своим чарующим взглядом. Они утонули в ее глазах. И теперь достать этих утопленников из холодного, мерцающего озера ее глаз не было никакой возможности. Все они были во власти Аллаи, кроме одного, того, что стоял за ее спиной. Он скривился от боли и очень старался не показать своей слабости. Теперь же мужчина всецело был поглощен тем, что нянчил свою пораненную руку.

Девушка понимала, что люди, вероятно, были очень рады ее появлению, но в то же время чувства подсказывали Аллае, что она окружена хищниками. Наконец лесная дева опустила глаза, а потом, оглянувшись, посмотрела в сторону своего зеленого дома в последний раз. И вот широкая и крепкая, как силки, ткань накрыла ей голову и опустилась на ее тело. Стало темно и душно, и в тот же миг девушка ощутила, что множество рук овладели ей, словно дичью, но она не сопротивлялась и не издала ни звука. Ее уложили на волокушу, запряженную четверкой собак, и, озираясь, подобно воры, охотники быстро повезли свою добычу.

Аллаю разыграли в кости. Когда одному из охотников выпал жребий, между мужчинами возникла ссора, которая быстро переросла в схватку, и в тот вечер некоторые из них лишились не только своих гнилых зубов. Итак, Аллая досталась старому вдовцу по прозвищу Зябл. Счастливчику предлагали богатый выкуп за девушку, но он, несмотря на насмешки своих компаньонов, от выгодного обмена отказался. У Аллаи выстригли часть волос. Зябл связал в пучок остриженные локоны и разыграл их меж своих приятелей.

Держал он Аллаю взаперти, боясь, что ее украдут или она сама убежит от него. Днем, спасаясь от ее зачаровывающего взгляда, он заставлял девушку носить повязку. Та почти закрывала ей лицо, и лишь две узкие прорези служили для Аллаи окном во внешний мир. Ко всему прочему вдовец изгнал из дому сыновей, и теперь кроме него только Алая заселяла эту огромную, охраняемую злыми псами и окруженную частоколом домину. Зябл разрешал девушке выходить во двор ночью, да и то ненадолго. Окруженная со всех сторон высоким и непроглядным забором, Аллая только там могла снимать повязку. И теперь затворница ждала полуночи, чтобы насладиться видами неба, усыпанного мелким бисером звезд. А еще Аллая ждала луну, что меняла облик при каждой их встрече, но неизменно оставалась печальной и бледной. Тихие, но беспокойные серые облака напоминали ей ночных сов, которые часто мелькали в необъятном темно-синем небе в прежней ее жизни. Аллая даже не помышляла о побеге из своего заточения, а лишь ждала... Оказавшись среди людей, она утратила некоторые из своих способностей, но приобрела новые. Одно же оставалось неизменным – обида.

Зябл же совсем потерял покой, ему постоянно казалось, что, когда его нет дома, Аллая может убежать назад в лес или уйти к другому мужчине, молодому и сильному, либо ее похитят те из его приятелей, что три луны назад привезли ее сюда на волокушах. Так прошло еще какое

то время. Девушка наконец стала понимать язык людей, но вот изъясняться с ними – даже с Зяблом – у нее не получалось, просто не было желания. И если даже она говорила, то речь ее была полна певучих звуков, и люди не понимали и боялись ее нечеловеческого голоса.

Однажды ночью собаки, что сидели на привязи, стали разрываться от лая; вскоре одна из них завизжала и стихла. Снаружи послышался скрежет запоров, кованые двери раскрылись, и в доме оказались чужие. В их руках были факелы. Они метнулись к Зяблу... Тот вскрикнул и захрипел. С вдовцом было покончено.

Так Аллая оказалась в руках разбойника по прозвищу Хорь, рыжего, как огонь; его боялись и ненавидели. Он промышлял грабежами и был известным в округе душегубом. Хорю ничего особенного не нужно было в этом доме, кроме одного – Аллаи. Его лиходеи быстро обшарили все углы и, забрав все самое ценное, запалили дом, предав мертвого вдовца огню.

Хорь одаривал Аллаю подарками. Он жил шумной и разгульной жизнью. Любил хмельную медовуху и заставлял пить всех, включая и пленницу. Медовуха же была Аллае противна, девушка выплевывала мерзкую жидкость, но не просила Хоря ни о чем и не плакала. У ее мучителя это вызывало буйный восторг. Затем он, напившись, ставил девушку подле огня на обзор приятелям и под их одобрительный хохот орал, что она нарожает ему целую шайку. И лишь одно было для Хоря непреодолимым – скрывающая ее глаза повязка. Не осмеливался он освободить Аллае глаза.

Все с ним кончилось неожиданно и так же быстро.

Хоря приволокли привязанным одной ногой к буйволу прямо в логово. Его обиталищем служила большая, в два человеческих роста, нора, расположенная меж двух скал, теперь в ней жила Аллая. Под одобрительные вопли людей, вооруженных палками и топорами, лай собак и горловое мычание огромного быка растерзанного Хоря повесили за ту же ногу на сухом кедре. Он висел один, никому не нужный, и только застывший оскал на его синюшной морде выдавал в нем некогда буйный и разудалый нрав. Среди этой безудержной вакханалии показалась хрупкая фигурка Аллаи. Выйдя из своего убежища и не обращая внимания на разъяренных людей, она подошла к ревущему быку и, прикоснувшись пальцами к его ноздрям, заставила свирепого зверя замолчать. Затем направилась к висящему вниз головой, словно козлиная туша, телу своего мучителя. Аллая подошла к кедру, на котором тот висел, и положила ладонь на его иссохший ствол. Прильнув к коре, она поцеловала измученное дерево и сквозь едва открытые губы издала еле уловимый звук. Сразу же вверху раздался треск, и мертвец вместе с суком, на котором висел, рухнул вниз. Люди увидели, как этот «рваный бурдюк» накрыл собой небольшой муравейник, нарушив в нем выверенную временем суету. И тут же слился с ним, поглощенный царящим вокруг хаосом. Увидев, что множество безумных, но внимательных глаз уставилось на нее, Аллая попятилась назад, удаляясь к чаще леса.

– Держите ее! — заорал кто-то. Несколько человек, из числа вершивших здесь суд, бросились вперед и быстро настигли девушку.

– Ты куда собралась?! – обдав юное лицо гнилым дыханием, ехидно просипела костлявая, кривая, почти горбатая бабка.

Старуха заглядывала в лицо снизу лягушачьими глазенками, а рука, похожая на костяной крюк, вцепилась девушке в волосы. Старуха пыталась сорвать повязку с лица Аллаи, но почти сразу резко отдернула руку, как будто ужаленная шмелем. Причиной этого был все тот же прятанный в волосах девушки пятилистник. Глаза бабки буквально выскакивали из глазниц в желании заглянуть в едва заметные прорезы на повязке. А затем она еще сильнее скривилась, затряслась и, казалось, готова была распластаться на месте, но стоявшие рядом успели подхватить ее под руки.

– Да она ведьма... – вдруг тихо и уже дрожащим голосом выдало все то же гнилое дыхание. – Это она накликала беду!

И тут же, то ли от дряхлости, то ли от непосильного волнения, а возможно, и от шипа пятилистника, бабка испустила дух. Ее обветренный, ссохшийся рот остался полуоткрытым, не успев поведать самое важное.

Те, что держали ее, бросили старуху на усеянную кедровой шелухой землю.

– Ведьма... – прошипел кто-то в толпе.

– Ведьма! Ведьма! Ведьма! – заголосили люди, стоящие поодаль.

– Она ее убила! – заорал мужик совсем рядом.

– Сжечь ее! Повесить! – подхватили со всех сторон.

И вот несколько сильных рук, сбив Аллаю с места, стали привязывать ее к тому же сухому кедру, на котором только что был повешен Хорь.

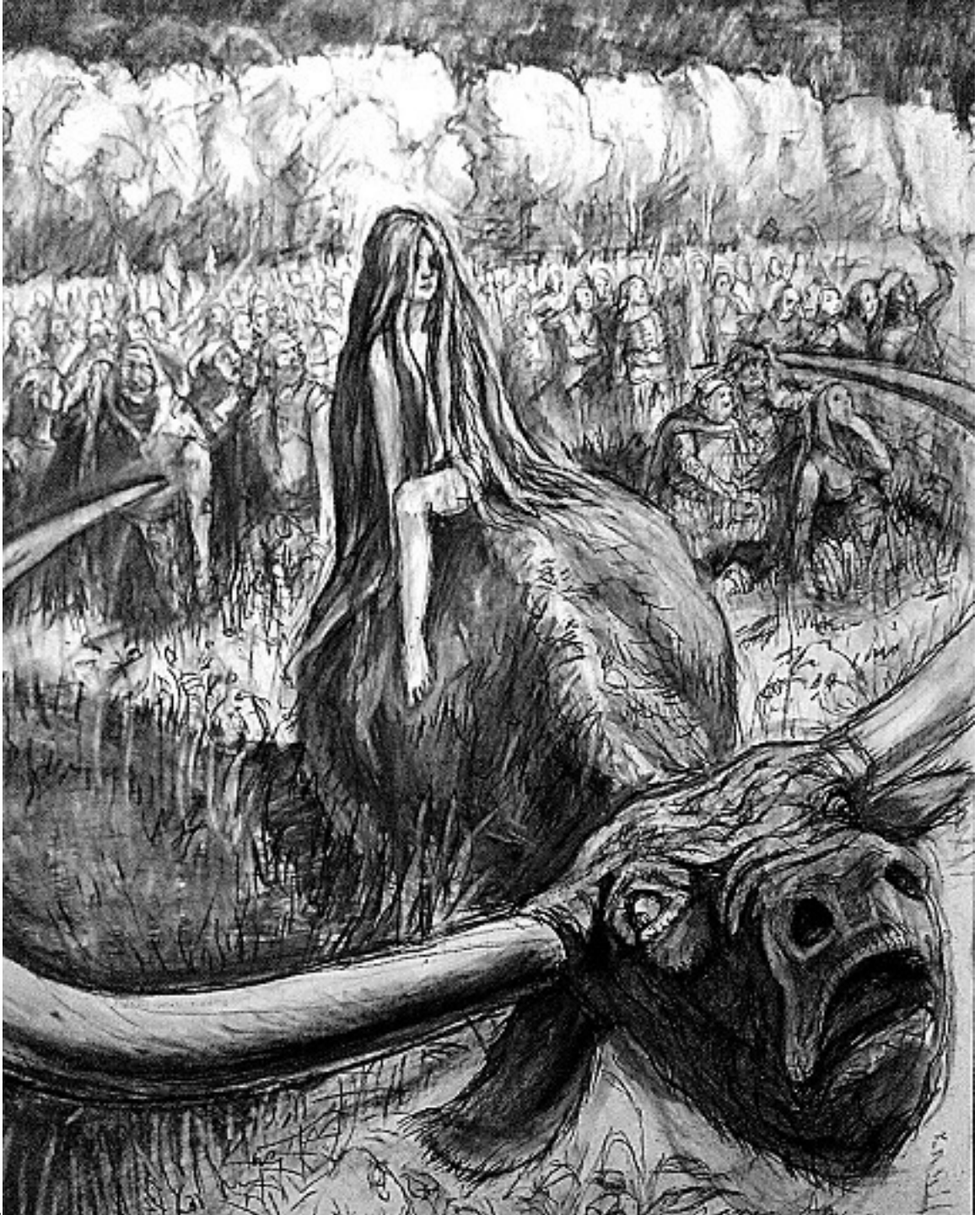
Толпа, размахивая палками, все еще шныряла вокруг логова в поисках кого-нибудь, кто мог бы прятаться в убежище разбойников. Очевидно, пришедшие сюда нацелились разом покончить со всеми его обитателями. Женщины принялись волоочь со всех сторон хворост, с треском складывая его прямо у ног девушки. Делая это, некоторые из женщин что-то напевали себе под нос. Две тетki были заняты изготовлением факелов, щедро обмазывая сухие палки черной смолой, одна из них так увлеклась делом, что измазала свою одежду, и теперь была очень расстроена.

Буйвол, тот самый, что стоял неподалеку, вдруг оттолкнулся и с яростью прыгнул вперед. Упав на передние ноги, он с силой лягнул задними. Все, занятые собиранием хвороста, застыли на своих местах, уставившись на обезумевшего быка. Бык сбил с ног женщину, одну из тех, что бубнила себе под нос песенки, и несколько раз обрушился на нее всем весом своей туши. После зацепил ее рогом и протасил по жухлой траве. Он не убил несчастную, было слышно, как она выла, боясь пошевелиться. В следующее мгновение огромные рога быка оказались около Аллаи. Разогнав всех, кто находился рядом с девушкой, разъяренный зверь, раздув огромные ноздри, встал поперек дерева, закрыв собой пленницу. Затем, немного успокоившись, наклонил голову, изогнул могучую шею и пропорол рогом толстенную кору высохшего кедра. Раздался треск, древесная шелуха посыпалась вниз. Оставляя глубокую борозду, рог достиг того места, где ствол опоясывали веревки. Подцепив их, бык дважды мотнул головой, причинив тем самым боль Аллае, но в следующее мгновение ее тело было свободным. Бык снова наклонился и подставил девушке необъятную спину, Аллая воинственно оседлала его. Затем сняла с глаз повязку и окинула взглядом судивших ее. По толпе пробежался ропот. Несколько мужчин выскочили вперед и упали перед Аллаей на колени. На лицах людей, что стояли рядом, был написан страх. Женщина, чуть было не затоптанная быком, так и осталась лежать на прежнем месте, она поджала ноги и тихо выла; никто не пытался ей помочь.

– Не я ведьма, а другая. Идите за мной, и вы получите то, чего хотели! – ломая язык, с силой выдавила из себя восседавшая на быке Аллая.

Она схватила буйвола за рога, так что тот послушно поднял голову и, обойдя собравшихся, как армию перед битвой, двинулся в глубь чащи. Люди загудели и, подняв над головами палки и топоры, побрели за быком. Чуть позже толпа поредела, лишившись нескольких дезертиров, не выдержавших неизвестности и бросившихся прочь. Никто не мог точно сказать, сколько времени они шли, и наконец люди оказались в том чудном лесу, где некогда жили сестры. Было так тихо, что даже дыхание нарушало царивший здесь покой. От леса исходил свет. Нежной радугой он освещал небосвод до появления первых звезд. Стемнело, и в толпе зажгли факелы. Озираясь, люди шли за Аллаей, пока вдруг та не остановилась. Жадным взорам открылась большая поляна, в середине которой стоял раскидистый клен. Его листья светились, играли перламутром в темнеющем небе, а затем клен стал осыпать себя то серебром, то золотом. Вначале люди не смели даже сделать шагу и молча стояли как вкопанные. Увиденное их опьянило. Часть из пришедших впали в состояние безумной радости. Другие же находились в некотором смятении, то и дело поглядывали на Аллаю, то в ту сторону

леса, откуда только что пришли. Они не смели шевелиться, но чуя неладное, постоянно озира-

лись.

Аллая чувствовала над этими людьми свою власть и теперь взирала на все с высоты своего положения. Вдруг один из мужчин вышел вперед, прорезая шелковистую траву своим телом, он направлялся прямо к клену.

– Зла-то! – вырвалось у него и понеслось по поляне. А затем ударилось об окружающий со всех сторон лес и вернулось назад глухим троекратным: – Зла-а-то... Зла-а-то... Зла-а-то...

И вот уже к клену бросились остальные. Облепив дерево, одни срывали листья руками, другие сбивали палками, скалывая топорами кусочки древесины со ствола. Те, что помоложе и попроворнее, забрались повыше и стали рубить ветки.

Несколько кленовых лап с шумом упали на землю. В тот же миг свет, исходящий от дерева, потускнел. Клен закачался, зашумел, и по его стволу потекли густые слезы. Вдруг рядом

раздался стон, такой протяжный и тяжелый, что заставил людей оглянуться. Рядом с этим большим кленом оказалось еще одно маленькое деревце. Издали его совсем не было видно, потому что деревце легко пряталось за неохватным стволом старого клена. А теперь стало заметно, как его тоненькие веточки тянулись, как вроде бы обнимая своего защитника. Это деревце было покрыто цветками, которые не прятались в свои чашечки даже ночью. Его крона, вся усыпанная мелкими разноцветными колокольчиками, тянулась вверх и пропадала где-то в гуще кленовой шапки. Но людям до этого не было дела.

– Да это же просто листва! – заорал какой-то мужичонка, пожевав кленовый листик.

Другой мужчина подошел к деревцу и, сорвав несколько цветочков, также положил их себе в рот. Скривившись в довольной улыбке, он оборвал несколько веточек и потянулся еще, но откуда-то сверху послышались гул и треск. На человеческие головы посыпались оборванные листья и ветки. Здоровенная кленовая лапа угодила в двух родичей, что занесли свой топор над деревцем, да так, что те повалились один на другого. А еще одна «кленовая оглобля» накрыла собой того самого мужичка и сильно придавила его ноги, так что он только и делал теперь, что звал на помощь. Дерево, словно в гневе, закачалось и от корней до макушки еще сильнее заскрипело.

– А!-А!-А! Жги его! – завыл тот из придавленных, что сумел выбраться первым.

Из толпы в сторону клена полетел факел.

– Жги-и-и! – орала толпа.

– Смолу сюда! Смолой надо! – завизжала одетая в грязную овчину тощая тетка.

И вот уже огонь обьял весь ствол и, подгоняемый ветром, стал быстро взбираться вверх. Со стороны казалось, что ветер разносит по поляне белые цветки с того маленького деревца, но это был пепел. Обезумевшие люди прыгали и плясали вокруг огромного костра.

Аллая смотрела туда, в центр поляны, где возвышался обугленный ствол некогда цветущего клена. Рядом, прислонившись к нему, готовое рассыпаться в любой момент, дрожало почерневшее маленькое деревце. «Это же моя сестра... Сестра... Латель...» – вдруг мелькнуло в голове Аллаи. Она резко закрыла лицо руками.

Как больно!.. Еще никогда прежде ей не было так больно. Ее глаза на мгновение как будто оказались в этом костре. А потом мир померк.

Разом в небе все пришло в движение, и стаи птиц, сорвавшись со своих гнезд, как гигантская волна во время бури, взмыли ввысь и черным на черном закружили, закрыв собою звезды. В лесу жутким многоголосьем завывали звери, деревья закачались и страшный стон пошел вокруг.

Пламя, разгоревшись с новой силой, поползло по поляне, пожирая сухую траву. Людей охватил ужас; падая и толкая друг друга, они бросились к тому месту, где стоял оседланный Аллаей бык. Никто не оглянулся, когда упавшая тетка в панике пыталась сорвать с себя предательски налипшую к ее овчине сухую траву. Она вопила и извивалась, стараясь противостоять медленно пожиравшему ее огню.

Птицы, сделав новый виток в черном небе, с тысячеголосым криком стали падать на бежавших. Они впивались маленькими клювиками в их головы, руки, тела, затем взмывали вновь и снова атаковали.

Еще долго горел лес. Дым заволок округу, и мир погрузился в смрад. Верховые пожары докатились до самых дальних охотничьих селений, уничтожив их без остатка. Домашний скот обезумел, и над землей несся леденящий душу животный рев. Уцелевший при пожаре лес окаменел. Охотники, спасаясь от гнева природных сил, от лица света, проклиная все и вся, ушли далеко-далеко в норы, под землю. Так здесь погубили любовь.

Гнездо, Закрай

Закончив свой рассказ, Ив посмотрел на дорогу:

– Скоро Гнездо. К заходу солнца будем на месте.

Замерший лес закончился. Теперь перед путниками открывался еще более странный пейзаж – дорога ползла меж болотных кочек, удивляющих своими несуразными размерами. По правую сторону стояли сплошь обугленные и выше человеческого роста. По левую расположились рыжие, казавшиеся еще более огромными, чем те, что справа. День медленно уходил, и вдруг, непонятно откуда, на дороге стали появляться люди. Они буквально заполнили дорогу, и их лица то и дело возникали прямо перед повозками. Среди них объявились чумазные детские мордахи. Не видя для себя никакой угрозы, дети вконец осмелели, и вот они уже среди обозчиков. И уже скоро их грязные ручонки протягивали чужеземцам жирных болотных жаб. Вероятно, предполагался обмен. Томление было недолгим. Еще немного, и несколько из квакающих обитателей болот под хохот все тех же сорванцов были прицельно брошены в пришедших из Иля. А следом из-за кочек вынырнули две тетки и, ухватив одного из мальчишек, стали безжалостно лупить его палкой. По округе прокатился детский рев. Детвора разбежалась, а после какие-то люди окружили обоз. Вцепившись в повозки ручищами, обитатели кочек поволокли их за собой.

Их становилось все больше и больше. Ни Роха, ни его товарищи не могли справиться с этой стихией. Все они оказались во власти толпы, бурлящей, как вскипевшая вода, и все усилия отогнать людей от лошадей и повозок оказались тщетными. Менялись руки, но неизменным оставалось одно – их цепкая хватка.

Роха огляделся. Он искал Ива. Тот ехал чуть в стороне от толпы и был безучастен к происходящему.

Протискиваясь между кочек, толпа вышла к краю огромной ямы. В самом ее центре находилось нечто величественное, возвышавшееся над всем. Оно было похоже на огромный сноп и напомнило посланнику тот «шалаш», что Ив называл гостевым домом, только этот был выше и массивнее в разы. Опорами ему служили корни, корявые, толстые, в три обхвата. Дальше шла некая конструкция, материалом для которой служили бревна. Обвязанные меж собой и почерневшие от времени, они поднимались в небо на двести локтей.

Толпа расступилась. Вперед, к самому краю, выехал Ив. В его руках оказалась какая-то деревяшка, состоящая из двух половинок с расщепленными концами. Всадник поднес ее ко рту, и Роха услышал, как шум, вырвавшийся из этой штуковины, преодолев пространство, ударился о гигантские опоры. У-у-х! Толпа вздрогнула и умолкла. Ив, повернувшись к Рохе, махнул рукой, очевидно зовя его за собой. Поравнявшись с юношей, посланник Иля увидел спуск в яму, узкой змейкой уходивший вниз.

На тесном спуске колеса повозок едва умещались. Внизу Роха сразу же заметил каменного истукана, подпертого со всех сторон крепкими жердинами. Тот, напоминая пьяницу, нашедшего приют под ближайшим забором и неумолимо клонившегося к земле. Он был первым, кто встречал пришедших из Иля.

Роха поднял голову и взглянул на край ямы, ни Ива, ни людей наверху уже не было.

– По-видимому, это то самое Гнездо и есть... – пробурчал Туро.

Ненадолго приведшие обоз остались в яме одни.

– Ну здравствуй, посланник Иля! – донесся радостный голос откуда-то с другой стороны «Гнезда».

Перед глазами появилась высокая фигура. Человек шел навстречу, выставив перед собой руки. Его лицо скрывал шестиглазый золоченный лик. Широко разведя ладони, «высокий», без сомнения, демонстрировал свое дружелюбие гостям. За ним показались двое других, их лица

также были спрятаны под круглыми дисками с несколькими отверстиями в виде раскосых глаз. В руках они несли большую корзину. Следом за ними еще двое, но у них уже ничего не было, а следом еще и еще... Наконец все те, что появились перед посланниками Иля, выстроились за спиной того, что простирал объятия. Всех их объединяла одна деталь – лунообразные диски с прорезями, напоминающими глаза. У некоторых маски были деревянными. У других, тех, что стояли ближе к высокому, металлические. Роха слез с коня и, оставив Гора, направился им навстречу. Теперь посланник Иля мог разглядеть гостеприимного закрайника. На нем длинный, почти до пят, балахон, отделанный кожей какого-то обитателя местных озер или болот. Личина, скрывающая лицо, косилась во все стороны. В жилистых руках была самая обыкновенная кривая палка, точно такие же во множестве разбросаны вокруг.

Поравнявшись с закрайниками, посланник Иля их поприветствовал. Он положил руку себе на грудь и, наклонив голову, произнес:

– Я Роха, посланник Иля, отправлен к вам царем Миролеем.

«Высокий» приложил свои длинные бледные пальцы к плечу посланника и тихим, предназначенным только Рохе голосом сказал:

– А я – Ямых, правитель Закрая.

С этими словами он снял с лица маску, и перед Рохой предстало бледное и очень вытянутое лицо с каким-то нечеловеческим взглядом. Глаза Ямыха разного цвета. Мутноватый правый имел болотный оттенок, а левый, словно звериный, – красновато-желтый. Голова Ямыха была наклонена чуть в сторону, а взгляд, несмотря на высокий рост, показался Рохе как будто заглядывающим снизу и напомнил собачий.

Посланник Иля продолжил:

– Правитель, в честь светлого праздника Благодаря Иль направил тебе этот обоз с подарками. – Роха провел рукой, указывая на царский обоз.

По лицу Ямыха расплылась улыбка.

– Иль?.. – демонстративно удивился он. – Ах, Роха, молодец. – Лицо главного закрайника вытянулось еще больше. – А я ведь ждал, и царь прислал... Мудрый царь, – почти пропел он.

После этих слов, продолжая улыбаться, Ямых направился к повозкам. Он погладил «подарочную» лошадь, та вздрогнула и подалась назад. Развернувшись, правитель Закрая окинул взглядом лошадей в обозе и, остановившись на Горе, одобрительно покачал головой.

С повозок сбросили настилы, скрывающие дары. Среди привезенных подарков были вещи практические, изумительные по красоте и мастерству исполнения. Серебряная, украшенная природным камнем и чеканкой посуда, аккуратно сложенная в первой повозке, заслужила лишь мимолетное внимание правителя Закрая. Из прочего в его руках оказался большой поднос из черного змеиноного камня с серебряными узорами по краям. Повертев его, Ямых ухмыльнулся и отложил в сторону.

Еще в одной повозке лежали глиняные горшки, расписанные горною лазурью. Покрытая особым лаком, их поверхность казалась озерной гладью. Снова взглянув на них лишь мельком, правитель отправился дальше.

В двух других уложены различная конская упряжь, кожаные седла, ремни, уздечки, искусно выделанные медью и серебром. Среди прочего особое место занимали диковинные для Закрая орудия труда и инструменты, но они, к удивлению посланников Иля, также совсем не возбудили интереса в том, кто был в Закрае первейшим из первых. Так же равнодушно прошел Ямых и мимо следующих двух повозок. Лежали в них расшитые узорами ткани, все они были сотканы лучшими мастерицами Иля. Наконец на вытянутом лице правителя появилась радость, а в его глазах промелькнул неподдельный интерес. В предпоследней повозке лежали топоры. Уложенные на льняные тряпицы топорики и тяжелые колуны дождались своего часа. Ямых наклонился и, взяв один из них, осторожно, как будто играя, провел пальцами по острию. Затем довольно ухмыльнулся и вернул изделие назад. Потом бесцеремонно возвра-

тился к повозке с инструментами и достал из нее самое, по его мнению, подходящее, это была небольшая стамеска. Держа ее как нож против медведя, Ямых подошел к одной из повозок и взял из нее вазу, украшенную природным камнем. Покрутив ее в руках, правитель с усердием стал выковыривать бирюзовый камешек из самого центра узора. Добившись своего, он поднял камешек на уровень глаз и, задрвав голову, внимательно стал разглядывать его на фоне вечернего неба. Уголки рта Ямыха поползли вверх. Еще некоторое время повертев камешек в руках, он спрятал его в отворот рукава. Оглядевшись по сторонам, Ямых вспомнил, что посмотрел не все, и направился к последней, девятой повозке. Положив свою длинную руку на оглоблю, расположенную вдоль деревянного короба, он стал разглядывать ее содержимое. В этой повозке находилась всякая всячина – то, что любой путешественник взял бы с собой в дальнюю дорогу. Вдруг, словно увидев змею, Ямых отпрянул назад. Среди овчин, укрывшись коровьей шкурой, не шевелясь и поджав под себя ноги, лежал старик, встреченный спутниками Рохи на дороге. Как и прежде, старик бережно прижимал к своей груди холодный, бесформенный камень.

Трясаясь всем телом, несчастный стал медленно выбираться из повозки. Когда он увидел Ямыха, его лицо болезненно скривилось, на глазах появились слезы, а беззубый рот расплылся в юродивой улыбке.

– Ёя! – воскликнул правитель, вероятно узнав в плешивом старике старого знакомого. – Это же Ёя! Слуга моего отца! – И с удовольствием добавил: – И мой раб. Откуда же взялось это привидение? – с иронией в голосе спросил Ямых, обернувшись к Рохе. И снова обратил свое внимание на старика: – Я думал, ты давно издох! – Ямых продолжал насмехаться над беднягой.

Со стороны закрайников послышался хохот. Плешивый старик, делая над собой усилие, оторвал руки от груди и, с трудом выпрямив их, наконец выставил вперед тяжелую каменюку.

– Я нашел его... Я искал семь зим... Вот он... Последний... – шамкая беззубым ртом и проглатывая слова, еле слышно пробормотал он.

Меж людей пошел ропот, они переглянулись, начав подозревать, что старик сошел с ума. И впрямь слова его напоминали бред больного и замученного обстоятельствами человека.

– Хм... это он? Ты нашел последний? – с удивлением и недоверием спросил Ямых.

Теперь окружающим стало понятно, что старик не сошел с ума и не бредит, а что разговор этот имеет давнюю историю.

Правитель подозвал к себе двух крепких слуг. Те взяли из рук старого Ёи камень и направились к идолу.

– Пойдем Посланник, я приглашаю тебя взглянуть на это, – предложил Ямых, повернувшись к Рохе, и тут же отправился вслед за слугами.

Роха проследовал за ним, а потом двинулись все остальные.

Каменный истукан возвышался на высоту в два человеческих роста. С большой, непропорциональной телу головой и маленькими ногами, он казался уродцем. У него было почти плоское, как на тех масках-дисках, что теперь висели у закрайников на животах, лицо. Вдобавок ко всему такой же, правда каменный, диск был обозначен на его животе. Покрытый черной плесенью, он представлялся огромным клеймом все с теми же шестью прорезями в виде глаз. Особенностью изваяния, еще больше подчеркивающей его уродливость, было отсутствие одной ноги. Одутловатая конечность была лишена колена, и к основанию уходила сколотая часть голени на уродливой плоской стопе. Каменный балахон спускался до самой земли. Он был весь изъеден плесенью. Рохе показалось, что каменный уродец когда-то падал, так как состоял из множества собранных меж собой небольших кусков. Трещины покрывали его от пят до головы.

Ямых распорядился, к нему подошли двое слуг, один из них взял камень и приставил к изваянию на место отсутствующего колена. Ни у кого не возникло сомнений, что это именно та, недостающая часть. Правитель приблизился к истукану и, развернувшись к Ёе, неискренне улыбнулся.

– Это ж сколько времени? Сколько зим прошло? – обратился он ко всем присутствующим. – А?

– Двадцать одна или двадцать две... – ответил немолодой закрайник с улыбочивым лицом и, по-видимому, слабым зрением, так как он постоянно щурился.

– Двадцать две, – негромко произнес Ёя.

– Ну что же, Ёя... Каждый год поначалу ты приносил по несколько драгоценных кусков! – обратив свой взор к истукану, с надрывом почти проскулил Ямых. – А где твое копище? – И правитель ткнул бедолагу палкой в грудь.

Копищем закрайники называли тот диск, что висел у них на животе. Материалом для него могли быть дерево, или камень, или любой из металлов, на нем обязательно было изображение глаз, а иногда и ушей.

– Я продал его за последний кусок, – обреченно вздохнул старик.

Ямых презрительно ухмыльнулся, но, взглянув на посланника Иля, сдержался.

– Последний ты искал семь зим. Семь зим! Это долго... Ты свободен. Иди! – подытожил Ямых и, повернувшись спиной к несчастному, обратился к Рохе, приглашая его следовать за ним.

– Правитель, ты обещал вернуть мне жену и моих детей... – За спиной Ямыха послышался тихий голос страдальца.

Ямых недоуменно взглянул на Роху и развернулся к старику:

– Я обещал?

– Ты сказал, что отдашь мне их, когда я найду все.

Старик упал на землю и горько заплакал. Ямых, брезгливо поджав губы, даже не взглянул на него. Он был полон решимости пнуть несчастного, но сдержался вновь. И, окинув взглядом посланников Иля, остановился на Рохе:

– Какие дети? Какая жена? Двадцать зим прошло.

– У меня были сын и дочь, – плакал Ёя.

– Где они? – Направив палец на лежащего у его ног старика, правитель Закрая обратился к улыбочивому соплеменнику.

Тот был человеком неприметным и, как указывалось ранее, с плохим зрением, но при этом обладающим удивительной памятью и умеющим оказываться рядом в нужный для правителя момент. Верный подданный криво усмехнулся – казалось, его раздирают эмоции. Его маленький, остренький подбородок заходил ходуном. Все внимание Рохи сосредоточилось именно на этой детали. Очевидным для него было и то, что именно этот человек знал здесь обо всем.

Ожидая ответа, Ямых вопрошающе приоткрыл рот.

– Дети его давно сгинули: сын умер еще маленьким, а дочь продана дарцунцам-разбойникам, но ленива была, да и лицом дурна... – При этих словах подбородок говорившего задрожал еще сильнее. – Так и зачахла у них, – каким-то елейным голоском закончил он.

– Вот видишь, раб, нет у тебя детей, – пожал плечами правитель.

– А что с моей женой? – в последней надежде поднял голову Ёя.

– Зачем тебе жена, старик? – рассмеялся Ямых.

Среди закрайников пробежал издевательский смешок.

Ямых снова взглянул на Ёю:

– Если она не издохла, то представляю эту ведьму... По всему видать, должна она быть красавицей... Беззубая, старая, ни к чему не годная. Зачем тебе такая?

– Отдай мне... ее, – не поднимаясь с земли, продолжал настаивать на своем Ёя.

Ямых снова взглянул на «улыбочивого», и тот сразу же удалился, взяв с собой еще двух человек.

– Тебе вернут твою старую ведьму, – сплюнул в сторону старика Ямых. – А теперь пошел вон! – добавил он и тут же зашагал к Гнезду.

За правителем последовали все остальные.

Их ждала черная огромная нора, никто не позаботился облагородить ее, и если это было жилище людей, то, скорее всего, отвоеванное у какого-то зверя. В нос ударил запах, какой обычно бывает в старой собачьей конуре.

Когда Роха оказался внутри, ему пришлось аккуратно ступать и внимательно глядеть себе под ноги. Лестниц здесь не было, лишь огромные корни, тянувшиеся от самой земли куда-то вверх, в темноту. Ниже было какое-то пространство, глухо закрытое массивными кольями, скрепленными между собой ржавыми навесами. Оно, как показалось посланнику Иля, тоже было обитаемо. Чтобы не оступиться, Рохе приходилось хвататься руками за углубления в черной от времени древесине. Вероятно, образовавшиеся здесь за многие века эти гладкие вмятины были оставлены теми, кому пришлось проделать этот путь. В некоторых местах корни уже окаменели, а в иных почти сгнили. Плесень властвовала повсюду.

Подъем показался долгим, путаным, а пространство, влекущее человека вверх, огромным. Рохе почудилось, что снаружи бушует ветер, потому что в ушах стоял вой, какой обычно бывает в трубе. Снизу то и дело доносились звуки стенаний и какой-то возни. Было ощущение что кто-то пытался вскарабкаться следом за идущими, но невидимое препятствие не позволяло ему этого сделать.

Вот и последние шаги к цели. Теперь Роха находился внутри сферического пространства, похожего на гнездо, наподобие тех, что устраивают себе грызуны, только очень боль-

шее.

– Вот почему гнездо... Это действительно гнездо!

Роха стоял замороженный.

Все те же черные, но уже меньших размеров, кривые корни и ветви были основой и потолком осязаемого пространства, укрытого прочной смесью из перьев птиц, смолы и чешуи. Последняя, под ногами вошедших, была чуть вздыблена, как бывает при чистке рыбы. Еще что сразу бросалось в глаза – это множество разных предметов, буквально утыканных в щели «гнезда». На первый взгляд невозможно было разобрать, что это за предметы, которыми так не по-хозяйски распорядились. Роха присмотрелся и все же смог разглядеть некоторые из них.

Седло и упряжь, забитые в огромную щель, никогда ни использовались по назначению, не знали они ни заботливого седока, ни лошади под собой в дальнем походе. Прялка, нелепо торчащая из сферического потолка, едва поскрипывала уже разбитым колесом, нависая над вошедшими острым конусом. Деревянный башмак, вбитый рядом, принадлежал какой-то великанской стопе. Множество предметов домашнего обихода – те, которыми пользовались хозяйки в любом месте западнее Иля, – были здесь чем угодно, только не помощниками в домашнем труде. Еще Роха увидел многочисленные зарубки, ими то здесь, то там были исполосованы черные корни. Одни из них были совсем свежие; другие, как старые шрамы, уже затянулись, оставив после себя лишь след. Были и те, что словно кровоточили, из них медленно вытекали светящиеся смоляные струйки.

– Вот... – задрал тощие руки вверх, громко обратился к Рохе Ямых. – Вот! – с явным удовольствием и торжественностью повторил он. – Мой дом! – Затем, ухмыльнувшись, ушел мыслями в прошлое, а потом продолжил: – И тех, что правили Закраем до меня. Ну что, посланник Иля, вот ты и здесь, ты удивлен? – Ямых приблизился к Рохе и заглянул ему в глаза: – Спрашивай, Роха, вижу вопросов много. Ты первый из Иля, кто оказался здесь, в Гнезде.

– Иль послал меня к тебе, правитель Закрая, как доброму соседу, живущему триста зим бок о бок в мире со светлым Илем. Мы надеемся, что так будет и впредь.

В следующий момент к правителю Закрая подошел «улыбчивый» и, наклонившись вперед, что-то едва слышно прошептал своему хозяину, тот показал жестом на Роху.

И вот уже «улыбчивый» приглашал посланника пройти за собой. А потом тихо, почти на цыпочках, провел Посланника к некоему подобию люка, что находился в стене сферы и был незаметен с первого взгляда.

Открылся вид с высоты. Спасенный отметил для себя еще одну странную вещь. То место, где, очевидно, и находилось «гнездо» и где сейчас он стоял, должно было быть на невысказанной высоте. Те же ощущения возникли у него, когда он поднимался сюда. Но сейчас посланник прекрасно видел свои обозы и людей, пришедших с ним. Слышал, о чем те говорят, казалось, они были совсем рядом, так, что можно было дотянуться до них рукой. Роха наклонился и окликнул молодого обозчика, того, что стоял прямо под ним. Обозчик продолжал заниматься своим делом, словно был глухим. Тогда Роха окликнул другого, и уже так громко, насколько хватило голоса, но и тот не слышал его.

– Не получится, не докричишься, посланник, – прогудел «улыбчивый» у него за спиной.

Роха оглянулся и посмотрел на крайника. Тот довольно улыбался.

– Чудеса, все видно как на ладони, но не слышно, правда, посланник? – «Улыбчивый», вышел на свет, а потом указал рукой вниз, снова приглашая Роху взглянуть.

Чуть в стороне от обозов сидел Ёя; казалось, силы совсем покинули его. Старик опустил низко голову и, как тогда, у дороги, казался отрешенным и несчастным. С южной стороны к нему направились три человека, вернее, двое мужчин толкали в спину старую бабку, едва шаркающую больными ногами. Ее тело прикрывали какие-то лохмотья. Своей нерасторопностью бабка ужасно злила здоровяков сопровождающих. Наконец ее кое-как до толкали до старика. Остановившись в шаге от Ёи, несчастная свесила впереди себя руки, как это делают дети, и начала тихонько плакать. Время от времени бабка чуть-чуть приподнимала руки вверх и, как будто объясняя что-то, поглаживала немытую лысину Ёи. Бубнящая и жалко всхлипывающая старуха напоминала ребенка, оставленного родителями.

Ёя поднял голову и как-то неловко стал подниматься на ноги, но завалился вперед и, ухватившись за ноги старухи, как за самое дорогое, завыл с ней в голос. Было хорошо слышно, как рыдали эти бедняги. И делали они это безутешно и горько.

Как будто вторя им, закапал дождь, и эти двое побрели куда-то прочь, подальше от этого места.

Дождик принес холод. Потемнело. Осень уже перевалила за середину, и день стал терять свою силу, все больше уступая ночи. Внизу зажгли костры; поставив обозы в круг, люди соорудили себе укрытия от ледяных капель.

– Холодно! – объявил всем присутствующим Ямых. – О! – крикнул он в сторону слуг.

От толпы слуг отделился один человек. Тяжело ступая, будто волоча за собой железные цепи, он направился к выступавшему из стены корню, сплошь испещренному неглубокими зарубками. Именно в нем нуждались сейчас крайники, и имя ему было О. В руке О держал изъеденную ржавчиной секиру. Раздался глухой металлический звон. Все вокруг затряслось мелкой дрожью, голубые струйки вырвались из древесного тела и моросью медленно опустились вниз. Гнездо озарилось нежно-голубым свечением. Роха почувствовал тепло, вначале на своем лице, а затем оно, плавно окутав все тело снаружи, проникло внутрь. Посланник

согрелся. Теперь обиталище Ямыха представлялось Рохе совсем другим – не тем жилищем грызунов, усеянным старым хламом, а пространством, где все было к месту и имело какой-то тайный смысл. Посланник подошел к источнику этого свечения, О стоял на том же месте, секира после удара была отброшена в сторону.

Роха протянул ладонь к святящейся смоле. Но О остановил его.

Только сейчас заметил воспитанник Мастерового, что конечность у О до локтя покрыта закаменелыми наростами. Пальцы и кисть представляли из себя нечто уродливое и имели цвет камня.

– Не делай этого, посланник, – с иронией в голосе из центра «гнезда» предупредил его Ямых. И, подойдя к Рохе, вопрошающе заглянул ему в глаза: – Ты же не хочешь иметь такую руку, как у нашего молчаливого О? Он тоже был любопытен и решил взять немного свежей смолы, а вернее, украсть ее. Да, О молчаливый?! – громко обратился правитель Закрая к стоявшему с серым лицом прислужнику. – Он даже какой-то мой родственник... И вот однажды взял... нет, совсем немного, всего лишь на палец капельку одну. На тот, которого у него уже нет. Да, а еще... – пробормотал Ямых, чтобы не засмеяться, – попробовал смолу на вкус...

Со всех сторон послышался смех.

– Не узнаем мы, какая она на вкус: онемел мой любознательный родственник. Окаменел язык, не помещался за зубами, и за большей ненадобностью пришлось-таки его выплюнуть...

Снова со всех сторон послышался хохот.

– А руки видел ты уже? С тех пор миссию сию мы ему доверяем. – И главный закрайник указал на ржавую секиру. – Надеюсь, не обидел я тебя, посланник Иля, – миролюбиво продолжал Ямых, по отечески положив тощую руку Рохе на плечо. – Никто там... – и правитель указал рукой куда-то за себя, – не знает, что здесь внутри. Они ничего не видели и не знают про этот свет, про эти корни. Вообще ничего им не известно. А кто узнает, тот сильно пожалеет. Он расплатится за знание своей жизнью. – И правитель оглядел внимательно своих слуг. – Здесь не было чужих. Ты первый, Роха! Разве не это признание Иля и тебя, его посланца? – с торжественным видом спросил Ямых.

Потом движением руки велел он оставить их одних: его и Роху.

В полной тишине главный закрайник продолжил:

– В младенчестве я заболел, да так, что дни мои, не успев начаться, уж были сочтены. Никто не в силах был мне помочь. Оставленный один, кричал я в агонии. Меня уступили смерти. И вот по этому стволу слезинкой стекла лишь одна капелька и скатилась мне прямо на распухший живот. И в тот же миг ушла болячка. Свидетелем тому стала нянька, что оставлена была при мне. Когда она о сем чуде рассказала моему отцу, тот взял с нее обет молчания. И смертью пригрозил. И случай этот не давал родителю покоя. Когда же сам отец вдруг однажды заболел – я думаю, его тогда отравили, – то вспомнил про рассказ своей служанки. Но дерево чудесной смолы своей не отдавало. Тогда отец нашел простой и верный способ... – Ямых ухмыльнулся – Никому не доверяя, первую зарубку сделал он сам. Собрал смолу в сосуд, а после выпил из него. Перед тем как окаменеть, он стал огромным, словно великан. – И Ямых указал Рохе на гигантский башмак, что был приколочен к потолку. – А затем убил всех: свою жену, слуг и няньку ту, что меня растила, а еще старую мать. – Правитель снова задрал свой палец и указал на деревянное колесо прялки, вонзенное в центре потолка. – Всех, кроме меня: я спрятался снаружи, пробыл там три дня на ветру. Так я избежал своей участи. Рассвирепевший отец обнаружил меня, но достать не смог.

Когда окаменели его ноги и тело наполнилось горною породой, он свалился здесь, но все же голова его продолжала жить. В бессилии он бился ею, пока и она не превратилась в камень, но оставались нетронутыми еще глаза. Меня искал он ими постоянно, они застыли, когда на небе поменялся месяц. Всю зиму пролежал отец здесь, уставившись в безумии застывшим взглядом вот на эту прялку. Никто не осмеливался подойти к нему тогда, лишь я решился,

хоть лет мне и было от роду немного. И вот оказия... Папаша мой не оставил завещания, и оказалось, что жизнь моя теперь висит на тонком волоске. Народ и слуги... все засомневались в том, что выжил я. Думали: а вдруг я самозванец, выдававший себя за его сына? Поднялась смута, и настали черные дни. Но все всего боялись. Войти сюда было сильнее воли их, сомнения челяди и в тот раз меня спасли.

Услышал я тогда, что где-то в землях Каргуна живет слепая ведьма. И ведомо ей то, что людям непонятно, что скрыто от мирского бытия. И с камнем мертвым вела она беседы, как с родичем своим. Решил тогда я с помощью ее заклятий оживить отца. Ведь глаза его еще немного вроде шевелились. Пусть ненадолго заставит говорить его, чтобы подтвердил он, что я сын ему по крови.

Сам-то я только позднее узнал историю про свое исцеление. Нянька, давшая обет безмолвия, тайну ту не сохранила и разболтала родственнице своей, ну а я уж у нее выпытал.

А тогда, дождавшись ночи, с верными людьми мы вынесли наружу окаменевшего отца. Задача эта не была из легких и стоила жизни двум из моих помощников.

Нашли мы в ту же ночь самую крепкую повозку и шестерых быков хаананьских, в нее и запрягли. Ёя знал дорогу, и, связав потуже, повезли камень прочь. В третий день, когда я спал, утомленный трудною дорогой, быки взревели, как будто к их телам приложили раскаленное клеймо, и с крутого склона завалились вниз. И так своими тушами

оставшихся возничих задавили. А каменный отец мой рухнул с ними вниз и раскололся на

Единственным из слуг, что были со мной тогда, остался в живых лишь Ёя. Слуга отца... Это он недоглядел, направил быков не туда. Впоследствии говорил этот разиня, что видел, как по дуге, вдоль горизонта, на запад упала яркая звезда. И это, мол, она и стала причиной наших злоключений. А я его лишил детей, жены и дома. Все, что было у него, забрал себе. Люди же, узнав об этом, пришли сюда и отца по маленьким кусочкам растащили. Скрывали их и почитали как знаки Провидения.

Рохе показалось, что у правителя выкатилась слеза.

– Я ценю твою откровенность, но разреши спросить, правитель, зачем ты мне, чужаку, рассказываешь тайное о своем отце?

– Вижу, друг мой, что жаль тебе то дерево, что полосуем мы секирой, а как же быть? Оно источник тепла и отдает его, лишь получая раны. Но будь это не так, я все одно его распорядился б мучить. Терзал в надежде, что чувствует сия деревяшка боль за моего отца. – Из глаз Ямаха снова скатилась слеза. – Не открывает оно тайны, а мне бы их хотелось знать. Отца меня лишило, и случай тот мне мог бы стоить жизни. В опасности живем. Так пусть же чувствует дерево и боль и страх. – Ямых выпучил глаза, полные безумия. Затем, успокоившись, продолжил: – Сироты мы с тобою, но тебе, Роха, воспитатель достался славный... Наслышаны о нем. А я оставался один, сам развязывал и запутывал узлы, и не было ни одной светлой головы, чтобы подсказать, как быть мне дальше. Уверен, будь рядом у меня наставник, подобный твоему Мастеровому, тайну дерева давно бы разгадал.

Подошел к концу и этот день. Роха вернулся к обозам. Он пристроился около костра и долго сидел там молча, обдумывая все, чему стал свидетелем днем минувшим.

– Ну что там? Что видел? – интересовались у Рохи его спутники. – Расскажи!

Роха же долго молчал, делая вид, что собирается спать, но затем все-таки коротко ответил:

– Гнездо там... Самое настоящее гнездо.

Рядом присел старый конюх:

– Будь осторожнее, Роха.

– Не пугай его. Что может случиться с посланниками Иля? Мы привезли богатые дары. Как и раньше, все будет хорошо, – вмешался в разговор рыжебородый Туро.

Спасенный примостился поудобнее, подтянув к себе теплую овчинку. И как-то незаметно переступил он зыбкую грань, отделяющую явь от сна. И, не почуяв подвоха, сейчас же оказался зрителем приготовленного для него представления. Разыгранные его уснувшим разумом, оно всецело посвящено было ему.

И вот перед Рохой все те же спутники его. Они все собрались здесь, у костра, вели беседы и шутили. Рыжебородый Туро, как всегда, зачинщик любой хохмы. Он снова рассказывал очередную байку. Вот сейчас сорвался на полуслове и, раскрыв свой огромный рот, хохотал так, что, казалось, лопнет. Свояки – старые конюхи составили ему компанию и теперь смеялись до слез. Один из них, очевидно чтобы успокоиться, старательно вычесывал свою и без того жидкую бороду. Здесь же, за спиной у Туро, Крутилка с другими возникими, равными себе по возрасту. Всполохи огня освещали их молодые лица. Все они довольны и с вниманием слушали бывалого рассказчика. Роха и сам готов был присоединиться к общему веселью, но вот оказия... Посланник Иля слышал звуки, но те отчего-то не складывались в слова, и, как ни старался, он не понимал услышанного.

– Да что же это? – напрыгался Роха, пытаясь хоть что-нибудь расслышать.

В ответ же лишь отдельные и бессвязные звуки и хохот собравшихся у огня.

Тогда Роха сам попытался заговорить со спутниками, но не было среди них тех, кто обратил бы на него внимание. А дальше, сквозь ночь, увидел он крадущиеся тени за спинами своих товарищей. И этим черным призракам там не было числа, лишь факел поднеси – из тьмы откро-

ются их лики. Роха закричал, указывая во тьму, но крик его будто растворился. Никто его так и не услышал, хотя и были все его товарищи рядом. Тогда выхватил посланник из пламени головню и бросился навстречу мраку. И тут же сидевшие с ним рядом вдруг умолкли и оглянулись ему вслед. Видение пропало. Роха проснулся и открыл глаза. Дождик, подгоняемый ветром, устремлялся под навес, и холодные капли били по его лицу.

Так начался второй день пребывания посланцев Иля в Гнезде. Почти весь он прошел в приготовлениях. Прибывшие из Иля осматривали повозки, мыли лошадей, готовя их к тому, чтобы в любой час тронуться в обратную дорогу.

А к вечеру Ямых снова пригласил Роху к себе. И после трапезы правитель обратился к нему со словами:

– А знаешь ли, почему именно ты, Роха, стал единственным из чужаков, кого впустили мы в Гнездо? – И, поняв, что ответа не последует, он наклонился к его уху и шепнул: – Ты не дитя Иля.

– Я не дитя... Я – посланник Иля, – твердо ответил Роха.

– Не обижайся и иди за мной, – пригласил его следовать за собой Ямых. – Иди же! Я хотел бы показать тебе еще что-то. Уверен, тебе станет интересно взглянуть на это!

И, взяв кривую палку, главный закрайник твердой поступью зашагал к выходу. Свита хотела было последовать за правителем, но тот, резко развернувшись, почти прицельно метнул в них свой посох. Те расступились и застыли на месте, предоставив Рохе возможность одному следовать за правителем.

Теперь спуск освещали коптящие факелы, расположившиеся на всем пути до самого низа. Они горели с треском, время от времени изрыгая кипящие смоляные капли. Правитель Закрая спускался быстро, словно играя с посланцем Иля в кошки-мышки. Роха явно проигрывал ему в сноровке. С трудом сохраняя равновесие, Спасенный едва поспевал за ускользящей тенью. И вот они внизу.

Теперь его нос отчетливо улавливал запах псарни. Они стояли возле того места, где дальнейший спуск был невозможен из-за преграды, что выросла перед ними в виде кольев. Те стояли тесно, в два ряда. Скрепленные меж собой ржавыми железяками. Это был добротно сделанный заслон.

Правитель Закрая приложил палец к своим губам:

– Тс...

Держа тлеющий факел, он пытался разжечь пламя, для чего раскачивал его из стороны в сторону, но дело не шло. Они стояли в тишине, свет факела едва пробивался тусклыми красноватыми лепестками за ту сторону, что была сейчас отчерчена линией из скрепленных железяками кольев. Тени, отбрасываемые факелом, уходили куда-то глубоко вниз. Там они расширялись, расплывались и, наконец, пожирались мраком.

Вдруг Ямых насторожился и, взяв Роху за рукав, стал показывать куда-то в темноту. За кольями послышалась возня; нарастающая, она шла откуда-то из глубины. Звуки приближались. Еще мгновение, и вот... они уже совсем рядом. Животное дыханье, резкое и прерывистое, замерло с той стороны в шаге от заслона. Ямых потряс факелом, и тот, затрещав и выдав чадающий дымок, разгорелся. Правитель Закрая поднял руку, направив огонь вперед и вверх. Роха замер, заметив в темноте силуэт огромного зверя. Напоминающий огромную крысу или, вернее, чудовищного вида собаку, зверь наблюдал за ним. Когда свет от огня упал на эту тварь, она вздыбила холку и злобно оцетинулась, выставив желтые клыки. Вдруг рядом с ней Посланник увидел еще одну и еще... Пара таких же злобных тварей, опустив черные сморщенные морды, медленно подошли к заслону. Роха нащупал рукоять меча и сделал шаг назад.

– Страшно? – вкрадчиво спросил Ямых.

Роха сделал движение плечом, как будто отряхиваясь, а затем подошел вплотную к заслону.

Тварь – та, что появилась из темноты первой, – просунула морду сквозь колья, в своей огромной пасти она держала кость, на конце которой увесистым грузом повисло копыто. Зверюга кинула копыто под ноги Спасенному и, быстро обнюхав воздух, издала короткий рык, а потом, попятившись назад, подобно призраку, растворилась во тьме. Другие твари, подвывая, стали метаться по кругу до тех пор, пока все они, одна за другой, не исчезли в той же, как казалось, уходящей в бесконечность черноте. Снова стало тихо.

– Что же ты сделал с ними, Роха? Впервые вижу я, чтобы пещерные собаки так просто ушли, – пробормотал Ямых и вкрадчиво выдал: – А может, ты колдун?

– В Иле нет колдунов, – твердо ответил Роха, все еще не отводя взгляда от кости. – А это точно собаки? Я никогда не видел... таких.– Спасенный повернулся к Ямыху. – Давно они здесь?

– Недавно. – И правитель, отвернувшись, словно опасаясь, что его подслушивают, тихо заключил: – Время такое. Собак за преграду не выпускаю, сдерживаю их как могу.

Они вышли наружу. Роха увидел свои обозы, расставленные по кругу, и горящие костры. Закончился и этот день.

– Когда нам готовиться в обратную дорогу? Вижу по тебе, что ты встревожен, – тихо сказал Туро.

– Будьте готовы в любой момент отправиться назад, – так же тихо проговорил Роха.

Посланник обошел обозы и остановился у дальнего от Гнезда костра.

Роха долго не мог уснуть: перед глазами стояли морды хищных тварей, тех, что вышли из мрака ему навстречу, и ехидное лицо Ямыха, наблюдающего за ним, когда собаки приблизились к разделительному заслону.

«Зачем Ямых показывал их мне? Чтобы напугать? Зачем? Предупредить, но о чем?» – рассуждал Роха про себя.

А потом вспомнились ему старый царь Миролей и его наказ к нему: «Будь осторожней там».

Всплыли в памяти все его тревоги. Беспокоился угасающий царь о грядущем и поэтому послал своих людей во все концы, но до того момента, когда отправил он Роху, никто из них назад не вернулся. Казалось, царь жил в предчувствии беды, но, как думали многие, виноват в этом был его преклонный возраст.

«Стар царь, пора ему бы на покой, от больших дел уже надо отстраниться» – так считали многие в Иле.

– В Закрай поедешь ты, – решил Миролей. – Повезешь подарки. Смотри и слушай там. Нет мне покоя. Нашептывали мне со всех сторон твое имя, советовали, чтобы отправил я в Закрай тебя...

– Кто нашептывал? – снисходительно спрашивал у царя Роха, думая, что старец заговаривается.

– Верю я в тебя, воспитанник Мастерового. Ступай!

Сменился день, уступив место новому. Как и прежде, все светлое время Ямыха и его слуг было не видно, и лишь стало вечереть, как правитель объявился снова. Он любезно пригласил Роху следовать за ним. И вновь ждала их трапеза, а потом Ямых сказал:

– Нас с тобой ждет сегодня большой разговор. Я хотел бы поведать тебе, на мой взгляд, о самом важном. Пойдем, посланник.

Они поднялись вверх по той же дороге, по которой обоз попал сюда, потом по краю обошли яму, в центре которой и находилось Гнездо.

Оказавшись на пустыре, на самом его краю, Ямых наконец остановился. Из-за туч выглянула луна и осветила холодным светом Закрай. Во всяком случае, ту его часть что была сейчас досягаема глазу. По периметру Ямы все было усеяно камнями, а где-то дальше виднелись уже знакомые Рохе огромные кочки. Камни блестели гладкими «лысынами». И все они казались разбросанными здесь неведомой силой или гигантом сеятелем.

– Гляди! – И Ямых указал в сторону Гнезда.

Воспитанник Мастерового увидел как из-за камней и кочек появились люди. Их становилось все больше и больше, они побежали к яме, а потом вниз по спуску. Людей было много. Мужчины и женщины окружили это уродливое сооружение, в руках у них оказались длинные веревки. Выстроившись друг за другом в цепочки, они, как по команде, начали рывками тянуть веревки на себя. Бревна и доски с внешней стороны строения поддались не сразу, но наконец с шумом и скрежетом разошлись, подобно треснувшей скорлупе. Гнездо, похожее на огромную несуразную лилию, родило прекрасное раскидистое дерево. Люди тут же разбежались.

Обретя свободу, дерево расправило свои ветви и заполнило собой еще большее пространство. Роха слышал, как оно избавлялось от мертвых веток, с шумом сбрасывая их вниз. Наконец, раскинувшись во всей красе, оно успокоилось и теперь лишь покачивало ветками, играя со свежим ветерком.

Роха стоял на краю как замороженный, разглядывая многовекового исполина. С этого места он не видел своих товарищей, но был уверен, что и они там, внизу, точно так же стояли пораженные увиденным.

– Время... Время ускользает от нас вместе с возможностями, – начал разговор Ямых. – От нашей беседы, от того, чем она закончится, будет зависеть очень много, особенно для тебя, Роха.

– Это звучит как угроза. Не угрожаешь ли ты мне, правитель?

– Нет, нет, посланник Иля, ни в коем случае. – И Ямых дружелюбно положил руку Рохе на плечо. – Я хочу, чтобы ты правильно меня понял, и намереваюсь тебя предостеречь.

– От чего, правитель?

– От поступков, сын Мастерового, от поступков. То, что я сейчас тебе сообщу, скрыто от посторонних ушей и глаз, но касается всех. – И правитель провел пальцем по воздуху.

– Уже скоро все придет в движение, все изменится и перемелется в жерновах истории: свободные станут рабами, а изгнанные и отвергнутые начнут править миром. День поменяется местами с ночью. Понимаешь?

– Нет, – спокойно ответил Роха.

– Пришло время, Роха! Пришло время!

– Как понимать тебя, правитель?

– А так: выживет тот, кто согласен измениться, в чем-то уступить и принять новое. Скрытые силы пришли в движение! Они идут по следу, как охотничьи псы. – Палец Ямыха отчего-то указал на яму подле них. – Собаки – вестники истемников, посланцы подземелий, они уже пришли, ты видел их.

– Истемники? – переспросил Роха, он прежде никогда не слышал о таких.

– Да, они, те, что живут в глубинах под землей, в норах и пещерах. Когда-то они обитали здесь. Были охотниками давным-давно, когда не было болот и каменных лесов Закрая, не было и Иля, да и просторов Хаагума. Добытчиками они все были хорошими и, живя посреди лесов, нужды ни в чем не знали. Но впоследствии, гонимые силой неведомой и беспощадной, бежали, жизни свои спасая, мечась по свету как в бреду. Те из них, кто в живых остался, кто не стал добычей огня и ветра, зарылись в землю и там нашли свое пристанище. Туда ушли. – И Ямых снова указал своим костлявым пальцем на ту огромную яму, на краю которой они стояли вместе с Рохой. – А уже там охотники переродились и приобрели другую суть. Теперь же пришел их час: истемники выходят из мрачных недр силою огромной, закаленной. Ищут

они дар небесный на просторах бесконечных, тех, что лежат за звездами и выше. По какому случаю он оказался на земле, нам того неведомо. – И, заглянув выпученными от страха глазами в лицо посланнику, правитель прошептал: – Ты слышал о них?

– Нет, – твердо ответил Роха.

– А еще в поиске своем они сметают все прошлое и несут смысл нового! – возбужденно и с благоговейностью в голосе почти пропел Ямых.

– Какой же он?

– Несут с собой! В себе! Там! – Ямых резко опустил руку, как будто желая вытянуть из земли невидимую жилу.

– Смыбысл! Роха. В чем он? Знаешь ли ты его?

С лицом умалишенного он уставился на посланника, и казалось, еще немного, и его тонкая бледно-серая кожа лопнет, порвется в районе лба, предъявив миру нечто еще более безобразное.

– Иль-ль-ль... – Ямых, отпрянув назад, криво усмехнулся. – Неужели тебе этого достаточно? Пойми же... Время прежнего ушло. Если не успеть, и твое время уйдет. – Правитель задрал вверх палец и указал на могучее, но голое дерево. – Ты, знаешь, говорят, в те времена, когда охотники ушли под землю, здесь бушевал пожар. И вот одно маленькое зернышко, принесенное ветром откуда-то издалека, упало в эту яму. Это было единственное место, где его не мог достать огонь. Так пролежало зернышко долгие годы, а затем вдруг ожило, проклюнулось... стало расти и превратилось вот в это. – Ямых снова показал на одинокое дерево. – Когда-то листва покрывала его пышной кроной. Рождалась и опадала, и снова появлялась, и опадала вновь, дерево переживало каждый год весь цикл жизни. Горы опавшей листвы... Бессмысленность. А однажды дерево мы закрыли в темноте, и увидели, как изменилась его суть. Нет, оно не засохло и не погибло, а должно было, не правда ли? Но вместо этого приспособилось к своей темнице. Теперь листья не растут на нем и не опадают. А еще мне кажется, оно пытается уйти отсюда, двигает корнями. Да, да, подобно тем существам, что имеют ноги. Ты понимаешь о чем я говорю? – На этих словах Ямых вдруг замолчал, а затем продолжил глухим голосом: – Я не хочу быть опавшей листвой! А ты Роха?

Роха молчал.

– Что же ты молчишь, посланник? Разве в Иле нет смерти? Спасут ли тебя их колокольчики?

– Правитель, – вдруг прервал Ямаха Роха. – Я посланник Иля! С тем ли говоришь ты? Или ты забыл об этом?

– Нет, Роха, посланник Иля, и ничего я не забыл, да и говорю с тобой великодушно! – При этих словах главный закрайник выпрямился и, казалось, приподнялся на цыпочках, едва удерживая равновесие.

– Зачем же я нужен тебе, правитель?

– Знал всегда я, что у Мастерского не может быть глупых сыновей, пусть даже не родных, пусть названных. Но нет в тебе его крови, нет Иля! Поэтому откроюсь до конца. Не знаю точно почему, догадываюсь лишь, что дело как раз в той крови, что бежит по твоим жилам. – Ямых продолжал говорить загадками. – Им нужен ты. Для тебя все приготовлено уже: дары, почитание и место – то, что по рождению ты заслуживаешь. Ты в Иле оказался по ошибке. И я говорю тебе, что лучше бы ее исправить.

– Зачем им я? О чем ты говоришь? – недоумевал Роха.

– Огонь! Тот, что под землей дремал, разожжен уже. И в ярости голодной пожрет он все... Да, да, и Иль. Судьба его решена. Стоит он на пути помехой в нашем деле, и время кончилось его, но не твое. Ты будешь первейшим из первых, а рядом я – за то, что вразумил, открыл, поведал тебе все это. Познаешь власть неведомую и новый вкус всего. Не будет тех, кто бы тебя осудил, пред кем держал бы ты ответы. Грядут такие перемены, что для избранных нужды

ни в чем не будет. Я предлагаю тебе стать одним из нас. Оставайся же здесь, их стоит лишь немного подождать, истемники придут. Вот увидишь, не успеет и снег растаять. А для чего ты нужен им? Так ты – избранник.

– Ты предлагаешь мне предательство? Чтобы потом жить в презрении к самому себе? Я сын Иля.

– Не торопись. Не будет презираемых, не будет судей над тобой. Что люди? Чернь и болтуны! Забудутся те, прежние, и сочинятся новые легенды. Про нас, тех, кто сделал верный шаг. Отбрось сомнения, Роха! За нами сила! Истемники уже у самого порога. Ночь еще впереди, подумай, не спеши, а утром я буду ждать ответа.

– А что же будет, когда и утром тебе отвечу, что не предатель я?

– Вернешься ты домой, как и положено посланнику. Но не спеши, побудь же гостем в доме у меня, я приглашаю.

– Отправлюсь я сейчас же в Светлый Иль. Там ждут вестей, и я должен их поскорей доставить, – ответил Роха как отрезал.

– Хорошо, посланник, я не стану более задерживать тебя. Ступай, коль так.

Когда же Спасенный вернулся к обозу, то обнаружил всех обитателей его крепко спящими. Его товарищи лежали вокруг своих повозок. Роха попытался разбудить их и криком, и толчками, он бил их по лицам, но никого вырвать из плена дремы ему не удавалось, как ни старался он. Измучился, мечась от одного к другому, но никто из тех, кто должен был отправиться немедленно с ним в дорогу, так и не поднялся. Около погасших костров вповалку разлеглись они, словно на поле брани.

– Вы отравили их! – закричал он и схватился за рукоять меча, увидев неподалеку «улыбчивого».

– Нет же, нет, посланник Иля, мы лишь дали им хорошенько отдохнуть перед дальней дорогой. Они пили сок седого дерева. А как ты знаешь, его пьют с осторожностью – не более двух глотков... Кто ж знал, что все так будет? – издевательски улыбнулся хитрый закрайник. И, видя Роху в гневе, предпочел быстро удалиться.

Скоро он исчез в Гнезде.

– Что с ними? Не рассчитали силы? – напомнил о себе объявившийся рядом правитель. – Ну теперь до утра их точно не раскачать. Пусть отдыхают. А лишь выглянет Светило, вернется к ним бодрость и обратная дорога не станет тягостной для них. Оставь их, Роха. Пойдем же... На прощание отведаешь ты с нами блюдо, достойное царей.

– Нет, я останусь со своими товарищами, буду дожидаться их пробуждения.

– Как хочешь... Коли так, намерен я этой ночью открыть заслоны и выпустить собак погулять на воле.

– Что мне три пса? Сдеру с них шкуры. – Роха скрипнул зубами от злости.

– Ты думаешь их столько? Там больше их, чем в псарне, а впрочем, посланник, не сердись. Я их не выпущу, конечно, а за людьми твоими здесь приглядывают. И ничего плохого с ними не случится. Я тотчас распоряжусь, и им помогут. Как видишь, я уважаю законы. Пойдем же... Нас ждет пир. Уважь тех, кто встретил вас добром.

– Хорошо, – согласился посланник, осознав тот факт, что коварный правитель Закрая его обыграл.

Вернувшись в обиталище, Ямых тотчас потребовал от слуг:

– Еды нам! У нас мало времени. – И вдобавок к словам кривой палкой ударил по многотрадальному дереву.

Д-а-а-а-а-й-й! – разнеслось по веткам. Закрайники заметно оживились и стали усаживаться и укладываться на пол. К едва заметному на тот момент свечению в Гнезде стал примешиваться запах еды. Было слышно, как что-то поднимают снизу, и это что-то было тяжелым. В

Гнезде появились несколько новых слуг, среди них были две женщины. Роха увидел как пятеро слуг, упиравшись кривыми дубинами, с трудом вкатывают огромный чан. Плотный закрытый тяжелой крышкой, прижатой медными крюками, он при движении пыхтел. Оставив чан, двое из них внесли большую тыкву и разную мелкую утварь. Деревянные горшки заняли свое место. Двое других подошли к чану и, всунув такие же дубины под медные крюки, навалились на него телами. Мощная крышка поддалась, выпустив наружу сладковато-пряный аромат. Затем настала очередь двух женщин, волосы которых были подобны гривам, едва скрывающим их покалеченные острые уши. Гривы эти доходили им до пояса. Одна, проворно взобравшись на тыкву, стала поочередно опускать в горячий чан деревянные горшки и, наполнив их, ловко передавала своей товарке. При этом, каждый раз опуская руки в горячий котел с криком и визгом, напевала странную песню, сложенную из звуков вроде тех, что издает кобыла во время выжеребки. Ее подруга, подхватывая дикий мотив, перебежала от одного закрайника к другому, топала ногами, как копытами, ставив рядом горшки с пряным жаром.

Затем резко наступила тишина, и та женщина, что разносила горошки, на цыпочках подбежала к чану, другая же достала из него застывшую в оскале и пышущую горячим паром конскую голову. Ее положили на большой, черный, отделанный серебром поднос, тот самый, что был в числе подарков, привезенных Рохой.

Раздался стук, как в барабаны, – закрайники стали стучать костяшками пальцев в те диски, что висели у них на груди. Голову поднесли к посланнику. Запах свежеприготовленного мяса буквально опьянил Роху. Он взглянул на блюдо и тут же отшатнулся.

Роха узнал «подарочную» лошадь, ту, что привел сюда, в Закрай, как дар своего царя.

«Нет, не поступали так с подарками Иля до этого дня», – сказал посланник сам в себе.

В этот же момент всплыла у него в памяти и злобная оскалившаяся тварь, бросившая ему под ноги обглоданное конское копыто. А еще вспомнилось ему, как однажды в детстве он увяз ногами в топком болоте и к нему подполз мерзкий змей. Тот, что кольцами тела своего медленно умерщвлял жертву, застигнутую врасплох. Тот, что заглатывал добычу целиком, раскрывая отвратительную пасть свою и выставляя в ряд острые крючки – зубы. И тогда беспомощный Роха в ужасе наблюдал за тем, как гад обвивает его черными чешуйчатыми кольцами, медленно и тщательно готовясь к давлению. Но, на его счастье, Мастеровой услышал сыновний крик и подоспел вовремя, гада того пополам перерубил.

Сейчас же некого на помощь было звать.

Роха, подняв голову, стал вглядываться в ускользящий с предметов свет и обнаружил, что собравшиеся здесь люди лишь делают вид, будто увлечены разговором. На самом же деле каждый из них внимательно наблюдал за ним – за Рохой. Один за другим он ловил их взгляды, закрайники же в ответ прятали глаза. И только правитель не смотрел на Роху, он был поглощен едой.

«Игра подошла к концу. В Иль мне вернуться не дадут, – рассудил Роха. – Не для того правитель откровенничал со мной и склонял к измене. Ах как был прав седовласый Миролей... Если бы только предупредить товарищей об опасности».

От грустных мыслей Роху отвлекли слуги Ямыха, подошедшие к нему. Они принесли серебряную чашу и, налив в нее темного хмельного напитка, подали ее со словами :

– Отчего, посланник Иля, не попробовал ты нашей пищи?

– Я не ем жертвенного мяса, – недовольно ответил им Роха.

Он поднялся с места, и в этот же момент вдруг все зашумели, и к громким голосам закрайников добавилось мелькание их бесчисленных рук, лихо разливающих по сосудам хмельное питье. В Гнезде стали пить и есть, загремела посуда, в нее посыпались кости.

Взяв в руку вместо чаши кувшин с водой, что приготовлен был для мытья рук, и подняв его вверх, Роха громко произнес:

– Я хотел бы выпить из этого кувшина потому, что в нем я ясно вижу чистое дно!

Его слова пропали в общем шуме. Роха отпил и поставил кувшин на место. Закрайники одобрительно заулыбались.

Вдруг открылся люк, тот самый, через который Роха двумя днями раньше наблюдал за обозом. В Гнездо очень медленно влезла женщина. Да, да женщина (так показалось посланнику вначале). Но очень скоро он понял, что был неправ, ведь у той, что влезла, не было лица. Ни глаз, ни рта, ни ушей, ни носа, лишь правильный овал, затянутый тонкой кожей. Серый, абсолютно бескровный лик выглядывал из под старой, обтрепанной ткани. Та свисала ей на плечи и где-то за спиной была собрана в затейливый узел, да так как не делали женщины Закрая. «Чуть... Чуть...» Тихо от человека к человеку, словно предупреждение, пронеслось это странное слово. Закрайники протрезвели и стали испуганно жаться к стенам. Роха остался один. Безликая шла на него, вытянув вперед безобразную шею. Было ощущение что она всматривается в окружающее пространство, вроде как ищет кого-то. Но в какой-то момент неудовлетворенно втянула ее назад, посадив на плечи. Чуть выпрямилась, и грязный балахон, закрывавший ее тело, складка за складкой разгладилась от плеч до самого пола. Через проеденные ржавчиной дыры выглянули редкие, как у линяющей собаки, тонкие и длинные, не толще паутины, волоски. Еще несколько слепых движений – и Чуть уткнулась в то изрубцованное место на древе, откуда все еще поднималась голубоватая струйка. Обернув свой пустой лик и выпрямив руки за спиной как крылья, она наклонилась к дереву, но тут же как ошпаренная отпрыгнула от него. Затем подняла руку и, выставив открытую ладонь вперед, стала медленно водить ею во все стороны. Ладонью эту конечность можно было назвать лишь условно. Скорее это была птичья лапа. Она стала останавливать ее на каких-то участках «проверяемого» пространства, вероятно, растопыренная конечность заменяла ей глаза и уши. Так, словно оторвавшаяся от человека тень, она как будто бы искала себе хозяина. И в жутком поиске в конце концов Чуть добралась до посланника. Роха не сводил с нее глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.